

Эми
Мун

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ЕГО

МЕДВЕЖЕСТВО

И

прочие неприятности

Эми Мун

**Его Медвежество и
прочие неприятности**

«Автор»

2019

Эми Мун

Его Медвежество и прочие неприятности / Эми Мун — «Автор»,
2019

Молодость за шаверму – заманчиво, только бы кто предупредил, что в комплекте к юному телу идёт другой мир с махровым патриархатом и муж, имеющий весьма неприятные планы на очаровательную жену. Но плакать в платочек о нелёгкой женской доле не в характере Валерии Константиновны. Время превратить вечно хмурое Его Медвежество в ласкового мишку, и между делом попытаться изменить царящие вокруг нравы. Содержит нецензурную брань.

© Эми Мун, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Эми Мун

Его Медвежество и прочие неприятности

Пролог

– Душенька, – сухая, похожая на птичью лапку, рука осторожно коснулась рукава пальто, – а будь милой, купи мне вот этой... швармы.

– Шавермы, – автоматически поправила Валерия Константиновна. Вообще-то, она не подавала попрошайкам, предпочитая обходить их стороной, но невероятно синие глаза старушки, а ещё ее опрятный, хоть и странный, вид подтолкнули сделать исключение.

«Бабка Синюшка (*прим. автора – персонаж из «Малахитовой шкатулки», Бажова*). Может линзы? Нет. Ей же только лаптей до полного антуража не хватает», – подумала женщина, но в слух произнесла:

– Какую вам?

– А вот, вот – зеленушечкой, да помидорчиком. И ещё красного этого, ох, вкусного-о-о...

– Соуса.

– Его родимого, – старческие, собранные гузкой, губы разъехались в белозубой улыбке.

«Точно – Синюшка» Малахитовую шкатулку Валерия Константиновна любила. Родным чем-то веяло. Исконным. Сама ведь, если пройти по родословной, из тех краев будет. Великий Урал – горные хребты и заповедные леса...

– Ай, девонька! Ай, спасибо! – старушка ловко выхватила свою добычу из рук продавца.

Валерия грустно усмехнулась. Когда это она девонькой числилась? При советах разве что. Прабабка ее – башкирка – горячая кровь, всем хороша была. Только женщины их рода как рано расцветали, так и увядали тоже неприлично быстро. С десятилетнего возраста гордость Валерии – грудь, пошла в рост. В тринадцать на девушку уже заглядывались взрослые мужчины, путая ее с совершеннолетней. Ну а в семнадцать один из них быстро взял ее в оборот.

Сердце тихонько защемило. Первая любовь, первые сорванные запреты, и первые ошибки. Хороший мужик был Роман. Узнал бы сейчас, если встретил? Женщина вздохнула. Даже с учетом регулярных, не самых дешёвых косметических процедур в свои пятьдесят шесть она выглядела на добрый пяток лет старше. Да, стильная и бодрая. Но ее южно-уральская яркая красота давно сгорела и превратилась в пепел.

–Простите, вы заказ делать будете?

Валерия вздрогнула и, покачав головой, отошла. Да что же такое! Ох, не надо было в свой выходной работать. Нет же, собралась и горной козой в офис ускакала. Зачем? Денег ей, что ли, мало? Заняться нечем? Невестке снут как лежал недовязанный так и лежит. И в гардеробе мужа похозяйничать надо – запустился совсем, за своими блеснами ничего не видит. Но сегодня ноги сами понесли к бизнес-центру, где Валерия Константиновна уже десять лет трудилась главным бухгалтером в одной из фирм. Сделав все, что было намеченного на понедельник, она решила прогуляться через парк. Посидеть на скамеечке, кости свои старые погреть. Полюбоваться на Исаакиевский собор, а может, и на экскурсию сходить в который раз.

– Девонька! А, девонька...

Опять она! Валерия недовольно посмотрела на ковылявшую следом старушку.

– Девонька, до лавочки... Проводи!

С большой шавермой и в неопознанном этническом тряпье бабуля выглядела немного смешно. Валерия скептически посмотрела на ближайшую свободную лавочку, что стояла в десятке метров от них и, вздохнув, поправила сумочку-клатч. Ладно, проводит, а потом – домой.

Ага, сейчас... Скорее всего в юности бабуля занималась армреслингом – хватке любой половозрелый мужик позавидует. Локоть Валерии Константиновны взяли в плен железных пальцев и буквально силой заставили ее сесть рядышком.

– Ай, хорошая! Ай, ласковая! Помогла так помогла. Проси что хочешь – исполню!

– Дамочка, – осторожно, но твердо начала Валерия, пытаюсь стряхнуть с себя титановый капкан старушкиных пальцев, – сидите, кушайте. Соус сейчас потечёт.

– А ну и пусть течет, окаянный. Ты тоже посиди. За этим ведь шла. Вместе и косточки погреем и на этот... собор полюбуемся. А дом-то не убежит.

И старушка очень аккуратно откусила кусочек шавермы. Валерии происходящее нравилось все меньше. Будь она сколь-нибудь суеверной, могла бы и купиться на дешевенький трюк «чтения» мыслей. К счастью или наоборот, всю ее веру в сверхъестественное забрали лихие девяностые. Разве что для Бога местечко осталось, да и то на галёрке. Валерия, конечно, крещеная была – сама лет в двадцать желание изъявила, но со временем стала уходить к агностицизму.

– Мой дом – мое дело. Да и вам, уважаемая, домой пора, – Валерия дернула руку сильнее. Фиаско. Ну не орать же что ее – рослую и крепкую женщину – удерживает старушка божий одуванчик!

– Так, нету у меня дома, – вздохнула бабка и с гордостью добавила: – блудница я.

Валерия поперхнулась.

– Блуд... кто?

– Блудница, – охотно пояснила старушка, – хожу-блужу, кого накажу, кого награжу. Вот ты чего желаешь-то?

О, Господи! Ну опять она за свое! «Миллион долларов и вертолет, – чуть не брякнула Валерия, – только отстаньте». Но мимо них неожиданно пронеслась парочка на роликах. Держась за руки, ехали по дорожке, ловко огибая прохожих и не разрывая сцепленных ладоней. Влюбленные и молодые. И такой вдруг тоской потянуло!

А она ведь тоже когда то вот так... Не на роликах, правда. В походы ходили, песни под гитару орали. Полночи двор на ушах стоял. Страна разваливалась, падала в бездну нищеты и криминала, содрогаясь в первых корчах наступающего хаоса, но им – двадцатилетним и беспечным – все было по плечу. Щедро разменивая богатства юности на все, кроме важного, они думали, что так будет всегда. Если кровь горит, о старости не вспоминаешь. Когда она, эта старость... а оказалось – близко. Но как же это тяжело – живая и полная сил душа в обертке одряхлевшего тела.

– Чего желаю... – хмыкнула себе под нос, – молодости желаю, вот как. Жизнь снова почувствовать. Это же дар.

И грудь словно тяжёлой рукой сдавило, а пальцы на ее локте исчезли вдруг.

– Молодости? А потянешь ли? Новую жизнь-то?

Дребезжащий голос старухи вдруг обрёл силу. И глаза под складками морщинистых век сверкнули потусторонней неоновой синью. У Валерии так сердце и ослабло. Ну все, перегрелась мать!

– Чего ж не потянуть, – она поспешно вскочила на ноги, – до свидания!

И, оставив чокнутую бабулю-блудницу в обществе шавермы, Валерия поспешила домой.

Глава 1

– Мам, прости, но мы, наверное, с Танюшкой Новый год в Праге отметим. Друзья зовут. Голос Темки звучал виновато. И ей тоскливо стало... Но Валерия быстро себя у руки взяла. Дети растут, вылетают из родительского гнезда и выют свое. Ей-то вообще грех жаловаться! Красавец, умница, а девочку какую нашел... Может, по придирчивому маминому мнению чуть странную и слишком помешанную на средневековье, но зато добрую и, что самое важное – любящую. Как молодые рядышком друг с другом горели! Даже завистно по-хорошему. Просто глаз не спускали – два голубка да и только. Чего уж ей мешать счастью собственного ребенка? Взрослый уже мальчик, скоро двадцать восемь.

– Конечно, Темушка. А мы как раз в гости собирались, тетя Наташа звала. Вам привет передавала.

– И ей тоже, – обрадовался сын, – мы на Рождество обязательно вернёмся, ладно? И подарков привезём.

– Ты сначала подарок увези! Я Танюшке варежки и шапку связала. В цвет того снута. И тебе новый шарф. Клетчатый, как просил.

– Спасибо мам! Папе привет! Целую!

– Любим тебя!

Валерия со вздохом нажала сброс.

– Как там сын? – донеслось из угла комнаты. Муж устроил себе в зале закуток для душевного отдыха. Возился со всякими рыболовным вещами, чинил их, сам собирал и даже сети плел. Телевизоры какие-то... занятие так, для души. Бывший работник горячего цеха, Николай Александрович страстно желал природы. Как вышел на пенсию, так и пропал среди бесконечных всесезонных рыбалок, грибных-ягодных набегов и прочего. Она тоже иногда на тихую охоту ездила. Но, в отличие от мужа, продолжила работать, да и в компании единомышленников Николаю было веселее. Пусть уж отдыхает, и так сколько здоровья на своем стеклозаводе угробил.

– Хорошо сын, – отозвалось привычно, – в работе порядок, в семейной жизни тоже. На Рождество приедут. Я сейчас в магазин пойду, тебе взять что-нибудь?

– Квас. Только темный, – муж послал ей рассеянный взгляд и опять склонился над своими сокровищами. Короткая щётка седых волос подсвечивалась настольной лампой. «Как нимб», -мысленно хмыкнула Валерия. Только ангелом Николай отродясь не был.

В магазине было по-предпраздничному суетно. Через два дня Новый год, люди как с ума посходили. Такое чувство, что у всего города разом испарилась еда из холодильников. Покупатели толкали полные тележки и жадно хватали то, что по акции.

Валерия неторопливо складировала покупки в небольшую корзину. Сын с женой не приедет, а им – старикам – много ли надо? Икра в холодильнике, оливье сделает, курочку жарит. Вот и обязательный атрибут – мандарины. Валерия схватила спелый оранжевый плод и, не удержавшись, поднесла к носу. Ох, как пахнет...

Заметила ее Валерия случайно и то лишь краем глаза. Даже не поняла ничего сначала. А потом как ледяной водой окатило, в другом конце овощного отдела стояла та самая бабка, с невероятно синими глазами. Та же странная пахнувшая древностью одежда-лохмотья, грязно серые волосы закручены небрежной гулькой, и на плечах аляпистый платок – ничего не изменилось. А на дворе промозглая питерская зима...

– Две недели, – сверкнула белозубой улыбкой старуха. В магазине стоял гвалт, но Валерия могла поклясться, что слышала скрипучий голос над самым ухом. Мандарин выпал из ослабевших пальцев.

– Две, – и бабка подняла вверх два сухеньких пальца. А потом исчезла. Перед ней просто прошла какая-то тетка с загруженной под завязку тележкой, на мгновение закрыв старуху своим дородным телом. Всего одна короткая секунда, но и ее оказалось достаточно. Бабка растворилась в воздухе. А Валерия так и осталась стоять. Сердце бухало как сумасшедшее, отдавая болью в лопатку и правую руку. Надо зайти в аптеку. За корвалолом. И к врачу записаться....

– Женщина, с вами все в порядке? Женщина?! – осторожная тряска за плечо вывела из ступора. Валерия с трудом перевела взгляд на молоденькую и почему-то напуганную продавщицу.

– А?

– Вам плохо? Вы так побледнели...

Какая добрая девушка! Валерия с трудом улыбнулась.

– Все хорошо. Это... так...

Девушка посмотрела на нее с сомнением, но к весам подошли покупатели, и ей пришлось вернуться к своим обязанностям. А Валерия поплелась домой. Про квас, конечно, забыла, чем вызвала недовольное бурчание мужа.

– Хоть бы список составила, – пыхтел, нервно собирая в коробку блестящие круглые грузила.

– Николай, понимаешь, я... – но тут же осеклась. Муж не слушал ее. Впрочем, как обычно.

– Позже в магазин схожу, – добавила зачем-то и пошла отдыхать. Сон – лучшее лекарство.

Не сказать, чтобы Валерия сильно боялась наступления двенадцатого января. Случай в супермаркете быстро стёрся праздничной и повседневной суетой. Они с мужем тихо встретили Новый год, разойдясь по комнатам, едва только отгремели салюты, а потом уже куда веселее – Рождество. Тема и Танюша вернулись из Праги. Привезли ворох сувениров и, конечно, фото. С разных ракурсов и так и этак. Хорошо теперь, не нужно каждый кадр считать и думать, удачно ли на фотографии вышел. Щёлкнул – и сразу результат готов.

Дети задержались всего на два дня. А потом в свое гнёздышко упорхнули. Пусть. Недавно сын обмолвился, что они с женой о ребенке подумывать стали. Таня по врачам пошла, анализы-обследования. Тема свою электронную сигарету бросил. Валерия, конечно, поддерживала. Дети – это хорошо. Тем более условия для этого все есть. Но подготовиться надо, а как же.

И все же, несмотря на ровное течение жизни, глаза так и цеплялись за висевший на стене календарь. Двенадцатое число. Как раз две недели будет с той самой встречи. Может, на работу не пойти? Отсидеться дома перед ноутбуком. Посмотреть фильм какой-нибудь... и посмеяться с бредовости собственных мыслей. Да вот что-то не выходило.

А поговорить особо и не с кем. Даже Наташа – подруга самая близкая – до сих пор не в курсе странной встречи. Ну, право слово, что сказать? Встретила в парке чокнутую бабку с фонариками вместо глаз и манией исполнять желания за шавуху? Наташа была ещё прагматичней и приземленнее, чем Валерия. После доброго смеха ее бы так же по-доброму отправляли на прием к врачу. Наталья Владимировна любила заботиться о своем и – более того – чужом здоровье. Нет, ни за что!

Валерия ещё раз посмотрела на календарь и решила думать о проблемах по мере их поступления. А покамест, чтобы избавиться от нудящего чувства тревоги, возьмётся за уборку. Тем более муж опять на природу утянулся. Дома тишина, можно включить музыку и, не стесняясь, подвывать исполнителям.

Определив себе фронт работ, Валерия схватилась за тряпку. Время текло незаметно. Их небольшая трёшка с дизайном под хай-тек все-равно требовала порядочно внимания. Что

греха таить, с мужем они безупречными аккуратистами не были и со временем обрастали беспорядком. Особенно это касалось шкафов. Конечно, вещи не лежали комом, но заново выровнять стопки и пересмотреть антресоли требовалось стабильно раз в месяц.

Фальшивя в полголоса «восьмиклассница, ы-ы-ы», она вытаскивала коробки и то, что находилось между ними. Вдруг голос Цоя поперхнулся и затих. Валерия не успела обернуться.

Над ухом раздался до ужаса знакомый голос.

– Время вышло!

Ледяные мурашки сыпанули вдоль позвоночника, впиваясь колючей болью под сердце. Крепкий стул под ней вдруг пошатнулся, и с коротким криком Валерия рухнула вниз.

Глава 2

– Аллелия, Аллелия. Девочка моя, добрая! У-у-у, да за что же Вам несчастье такое? Судьби-и-инушка горькая! – выл над ухом женский голос.

Качественно так. Валерия была готова и сама расплакаться. От жалости к своим барабанным перепонкам. Женщина ненадолго замолкла. Послышались характерные звуки натужного сморкания, а потом шарманка завелась по новой.– А-а-аллелия! Госпожа моя ненаглядная! Дитяtko мое любимое! Сгнула во цвете лет!

Кто сгнула – она?! Валерия мысленно застонала. Неохотно, словно сквозь вязкое болото, пришли воспоминания. Вот она тащит с антресоли коробки, а вот с коробками же летит на пол. Только удара Валерия совершенно не помнила. Вместо ламината ее встретила бесконечная черная бездна, в которой она неслась на сверхзвуковых скоростях. Все падала и падала, пока не очутилась... Обоняние выхватило запах чего-то лекарственного. И под головой чересчур мягкая подушка. Дома таких нет.... Ну конечно! Она в больнице! Потеряла сознание, тут вернулся муж, запаниковал, позвонил в скорую ну и дальше по сценарию.

– А-а-аллелия! – продолжал надрывать голос.

Да что же тут за медсестры такие припадочные? Ещё и имя исковеркали. Какая к черту, Аллелия?! Ва-ле-ри-я! Ну хоть бы Лера, в конце-то концов.

– А-а-а...

Да ладно! Опять! Надо прекращать этот балаган. «Уважаемая!»... но на выходе получилось лишь слабое

– М-м-м.

Однако подействовало! Истеричка в белом халате заткнулась.

– Аллелия?

На этот раз «м-м-м» звучало уверенней. Хоть бы стакан воды поднесли! Горло слиплось и отказывалось воспроизводить что-то большее.

– Ох! Ох! Чудо-то какое! Ох, Творец милостивый! Ох, благодарю!

Так, похоже тут имеет место религиозный фанатизм. Нестандартный. Ладно бы Господь Всемогуший или Слава Богу, но причем тут Творец?

– Сейчас, госпожа, сейчас, милая, вот, попейте...

А и мир с ним, с Творцом-то! Вода! Невероятно вкусная и в прямом смысле живительная. С каждым глотком к ней возвращались силы. По жилам заструилось тепло, а руки и ноги обрели чувствительность. Больше не мешкая, Валерия открыла глаза.

– А-а-а... – ее тонкий сип быстро сошел на нет. Валерия крепко зажмурилась и снова потеряла сознание.

Какой странный сон ей снился. Средневековый такой. Танюшке бы наверняка понравился. Просторная комната, темные каменные стены, прикрытые такими же темными гобеленами. Балдахин над головой винного цвета, и кровать, с ужасно неудобным, мягким матрасом.

– Аллелия...

Как невыносимо жаль, что горло до сих пор саднит. Потому что хотелось орать. Долго, со вкусом, пока окружавшая ее средневековая галлюцинация не рассыплется прахом! Мозг в панике перебирал возможные логические варианты. Может розыгрыш? Это, как его... пранк! Ну точно!

Валерия распахнула глаза и уставилась на сидевшую у кровати сволочь, решившую сыграть во всем этом фарсе. Иссохшая женщина в простом темном платье профессионально изобразила радость. Скуластое лицо треснуло улыбкой.

– Очнулась! Ох, дитяtko мое!

Дама несколько выбивалась из образа доброй нянюшки своей худобой и вытянутой, печальной физиономией. Точно – розыгрыш!

Но для надёжности Валерия все же решила ущипнуть себя за руку. На всякий случай. Ощущение неправильности толкнуло под сердце раньше, чем успела подумать голова. Взгляд метнулся от нянюшки на лежащие поверх кружевного одеяла собственные руки.

– Бля-я-я...

Вообще-то Валерия ругалась редко – оставила эту дрянную привычку как раз в девяностых, в своем бывшем районе, где на матерном в прямом смысле разговаривали. А теперь вот захотелось нестерпимо. Выматериться как следует, а потом зайтись в чисто бабьей, бесконтрольной истерике, так рвущейся наружу.

Это не ее руки! Маникюр испарился, открывая правильной формы бледно розовые лунки ногтей. Да у нее в жизни таких не было! А пальцы! Меньше по крайней мере на фалангу, изящные все такие, ровненькие. Где разбитые временем и жизнью суставы? Старческие пятна, которые испещрили высохшую кожу? Где ее законные морщины?! Шрам от глубокого пореза ножом?! Где, черт возьми?!

– Аллелия, госпожа моя, плохо, да? О, Творец, главное – жива!

Женщина пихала ей белый фарфоровый стакан, а Валерия, как идиотка, продолжала рассматривать свои-чужие руки.

– Пейте-пейте... – продолжала настаивать нянюшка, но она неловко отмахнулась.

– Зеркало... есть? – выдавила хрипло и вздрогнула от собственного, но все равно незнакомого голоса. Более нежного. Высокого.

– Зеркало? – стакан завис в воздухе. – Зачем оно? Вставить Вам нельзя! Ни-ни, не пуцу! Шутка ли, ночью от горячки помирали, а утром на ножки вскочить решили?! Нет!

Под истеричные причитания тетки, Валерия с трудом осмотрелась. Так. Какой-то вычурный шкаф, почти слившийся со стенкой, такой же стол, несколько глубоких кресел, картина с незнакомым портретом то ли юноши, то ли девушки, и... То, что нужно! Огромное зеркало в углу. Вернее Валерия надеялась, что это зеркало. Овальная поверхность была скрыта тяжёлой тканью.

– Куда?! Ой, куда?!

От визга завибрировали витражи в узких окнах бойницах. Сцепив зубы, чтобы все-таки не выматериться, Валерия приняла вертикальное положение. Вслед за головой потянулись два каната. Дрожащей рукой Валерия ухватила за один и поднесла к глазам. Та-а-ак. Косы... Мать их. Два толстых, размером с запястье, жгута цвета ангельски чистого золота.

Мозг коротило от происходящего. Волосы тоже были чужими. Ее стильное каре-боб превратилось в длиннющие кудри.

Валерия осторожно спустила ноги на пол. Две такие стройные, маленькие ножки... Оттолкнувшись от безобразно мягкой перины встала. И чуть не упала. Русалочка, мля. С уклоном в Рапунцель. Хвостики кос болтались ниже середины бедра.

– Ох, дитяtko, ох, милая!

– Замолкни, – тоненько рыкнул на тётку Валерия. И подействовало! Служанка выхватила из-за рукава кружевной платок и прижала к губам.

Зеркало находилось в пяти шагах, но Валерии казалось, что она ковыляет целую вечность. Теплая шкура закончилась, и ступни обжёг ледяной холод камня. Плевать. Молодые – не ее – руки уже тянулись к черной бархатной портъере. Рывок! И...

– Твою ма-а-ать!!!

Перед ней стояла девушка. Нет, девочка! Девушка-девочка! Прямой носик, высокий лобик, розовые губки. А глаза?! Ее родной зелёный цвет сменился на лазурный, словно воды тропического океана.

– Бля-я-я, – прошипела Валерия, и широкий рот незнакомки беззвучно повторил сказанное. Валерия зажмурилась и помогала головой. Косы стукнули по ногам. Поскребла пальцем бледную щеку. Отражение повторило. Нахмурилась – и незнакомка сдвинула черные брови. Захлопала длинными ресницами. А в голубых глазах плескался ужас. Ее ужас!

«Молодости хочу, – засмеялся в голове чужой голос, – молодости...»

– Синюшка, – пробормотала, все ещё отказываясь верить очевидному, – но как же...

И тут как щелкнуло – две недели! Она ведь в магазине бабку встретила почти в пятом часу! И посчитала от завтрашнего, а не текущего дня. А если сопоставить время, то две недели как раз отмотало, когда она на антресолях порядок наводит вздумала. Так это что же выходит? Ее – и в другое... тело?!

Валерия ещё раз оглядела себя с ног до головы. Просторная ночнушка в пол мешала – ничего не рассмотреть толком! Распутав шнуровку на горловине, она под тихий стон служанки отшвырнула одежду в сторону.

– Еж твою кость, – протянула, разглядывая себя всю. Где грудь?! Вместо ее привычной четверочки крохотными нежно-розовыми сосками топорщилась слабенькая двойка. Зато внизу... Валерия тихо охнула. Все пропавшие сантиметры перетекли туда, попутно захватив друзей с талии. Бразильская попка и крутые бедра поставили жирную галочку на ее давнишней мечте о нижних девяноста. Да тут все девяносто пять! А это что? Эпиляция? Развилка между ног была практически гладкой. По-девчоночьи пухлые нижние губы лишь слегка прикрыты едва заметным покровом тонких золотых волосиков. И ее рост... Едва ли больше ста шестидесяти пяти сантиметров!

– Ох, ё...

– Лэрди Аллелия, – жалобно проскулили за спиной, – какой срам! Что... что скажет Ваш муж!

Покачнулась, она все-таки оперлась на зеркальное покрытие – муж?! Господи! Только бы это Николай был! А ещё лучше пусть все это просто мерещится! И непривычно молодое лицо, и упругое, совершенно юное тело! Она согласна и на психушку!

– Ал...

Входная дверь треснула от могучего удара. Служанка икнула и картинно рухнула в обморок. Валерия резко обернулась, а через мгновение в комнату вошёл... медведь!

Глава 3

– Охренеть, – вежливо поздоровались Валерия.

А по-другому не скажешь. Нет других слов, и не будет. Мужик замер прямо на пороге. Не просто рослый – огромный. Вызывающе крепкий и мощный, он был больше всех, кого Валерия вообще встречала за свою жизнь, а повидала она не мало. И дело было не только в росте. Он мог бы заткнуть за пояс любого богатыря. Какая, мать ее, косая сажень в плечах?! Мелко! Тут все несколько! Широкая грудь вздымалась глубоко и спокойно, натягивая простую синюю рубаху. Огромные руки лениво цеплялись большими пальцами за поясной ремень, оттягивая его своей тяжестью вниз. Ноги двумя столбами упирались в каменный пол. А на крутых плечах висел плащ отороченный черным мехом.

И это был не какой-нибудь заблудившийся стражник или воин. Мужчина стоял тут с видом полноправного хозяина. Сверлил тяжёлым взглядом из-под густых бровей и сжимал спрятанные в плотной бороде губы. На широких скулах играли желваки, и крупные ноздри раздувались, с шумом втягивая огромные порции воздуха. Медведь. Темный, грубый, огромный медведь с мечом на поясе и совершенно дикой внешностью. Образ завершали отвратительно лохматые темно-русые волосы.

Мужчина ещё больше прищурился и съехал взглядом вниз, к обнаженной и торчащей от холода груди. Громадные плечи дернулись.

– Прикройся!

От мощности густого баса содрогнулись каменные стены. Под колени ударила сокрушающая тяжесть, и Валерия чуть не рухнула на пол рядом со сброшенной ночной рубашкой.

– Ох, лэрд, – пискнула очнувшаяся служанка, – Ваша жена ещё в горячке!

Все-таки она не выдержала. Ноги подломились. Если бы не зеркало рядом, вытирать бы ей соплями пол. Всклипнув, Валерия повисла на тяжёлой раме. Холод просочился в самые кости, и ее передёрнуло в первых истеричных судорогах.

Муж! Эта прямоходящая глыба мышц и силищи – ее муж?! Вернее, не ее, а этой... Аллелии, будь она неладна! Кусая дрожащие губы, Валерия отчаянно искала в себе силы добраться до кровати. А внутри до сих пор резонировало от глубоких перекатов иерихонской трубы вместо мужского горла.

Служанка проворно подскочила к ней, и впервые Валерия ощутила к визгливой женщине благодарность. Стараясь сильно не опираться на сухое плечо, она вскинула голову и сделала несколько шагов обратно.

Чувствуя себя совершенно больной, с дичайшей мигренью и в полном раздрае, Валерия из последних оскудевших сил заползла под одеяло. Отвратительная перина прогнулась, лишая возможности устроиться с комфортом. Мужик все так же стоял на пороге, пристально разглядывая ее отчаянные потуги лечь нормально.

– Скоро явится лекарь, – прогудел, не прекращая сверлить ее взглядом, – чтобы вид был надлежащий. Я женился не на беспутной девке.

«Хамло», – мысленно огрызнулась Валерия, но рот благоразумно не раскрывала. Рядом с таким молчание не только золото, но и гарант целостности костей.

Круто развернувшись, «муж» вышел. Чуть головой косяк не царапнул, громадина непооротливая. Дверь оглушительно хлопнула.

– Ох, лэрди Аллелия... – простонал дрожащая нянюшка, – ка-а-акой стыд... Сейчас я чистое достану... Беспутство! А все жестокая горячка... Да, она! Не может благородная лэрди так обнажить тело...

Под причитания о нравственности и правилах приличия, Валерия обмякла на подушках, позволяя одевать себя, как куклу. Чистая рубаха ничем не отличалась от брошенной у зеркала. Прямой крой, длинные рукава, шнуровка под горло и плотная материя.

– Косы не успеем переплести. Ну что же делать... Хоть личико вымоем.

Прохладная тряпица коснулась пылавшего лба, и осторожными прикосновениями спустилась ниже. А Валерия таращилась в потолок и, преодолевая грызущую мигрень, пыталась умять в голове понимание, что все это ей не снится. Ни эти грубые каменные стены и темные гобелены, ни заплывший подсвечник на прикроватной тумбе, ни черный зев камина, ни эта истеричная нянюшка, которая сейчас с удивительной для ее костлявого сложения силой, ворочала обмякшую Валерию, надевая жесткую ночнушку и поправляя постель. Ни муж...

Озобом по коже прошлись воспоминания: огромный рост, широкие плечи, ноги-столбы – под плотными штанами бугрились мышцы... Да-а, рядом с такой громадиной она – пигалица сопливая! Макушка строго по грудь. Широченную богатырскую грудь...

Стук в дверь выдернул ее из водоворота мыслей.

– Войдите! – крикнула чисто автоматически. Нянюшка опять охнула, а Валерия прикусила язык – ее привычка таким образом пускать посетителей в кабинет бухгалтерии явно не вязалась с местными нормами этикета.

Дверь скрипнула, и в комнату просочился лекарь. От монаха его отличал только обтянутый кожей сундучок, который мужчина легко нес под мышкой.

– Быстро же припёрся, паршивец бессердечный, – неожиданно зло прошипела нянюшка, – глаза бы мои борова этого не видели.

Ну, на борова мужчина походил с натягом, разве что толстоват немного...

– Вы очнулись, лэрди Аллелия. Воистину чудо.

Голос мужчины оказался приятным, а вот взгляд... Нянюшка ее могла не одевать – все равно Валерия почувствовала себя голой. Блекло-серые глаза неторопливо и цепко ощупали ее от макушки до кончиков укрытых вышитым одеялом ног.

– Моей госпоже надо отдохнуть, – сварливо отозвалась нянюшка, – зайдешь позже!

– Лэрд приказал провести осмотр немедленно.

– Твоем лэрду лишь бы приказы раздавать! Женщина – это не его солдатня! Ей нужен отдых перед осмотром. День, а лучше – неделя!

Лекарь поперхнулся, смешно вскидывая светлые брови.

– Лэрди нуждается в осмотре и новом лечении немедленно. Она должна как можно скорее прийти в себя.

– Ну, разумеется! Как же с больной наследников делать?

Валерия вяло прислушивалась к перепалке, механически отмечая очевидные факты. Медведь как-то связан с армией, или что тут у них. Ему нужен наследник, и быстрее, но если с первым понятно – обычно для этого и женятся, то со вторым не очень – к чему спешка? Однако все вопросы Валерия складировала «на потом».

Нянюшка обороняла ее укутанное тельце до последнего, но в конце концов доктору просто надоело, и он, отмахнувшись от разгневанной женщины, внаглую устроил свой сундук на прикроватном столике.

– Да замолчи уже, Дорис! – поморщился мужчина от новой порции визга о своей «грязной котомке» и «чистоты в покоях лэрди».

У нянюшки появилось имя. А заодно и красные, будто нарисованные, пятна на щеках.

– Как Ваше самочувствие, лэрди Аллелия? – обратился к ней, пока Дорис хватала ртом воздух.

– Не очень, – честно призналась Валерия. На самом деле она чувствовала себя отвратительно, как морально так и физически. В висках пульсировала глухая боль, а сухие глаза жгло от невозможности выплакать ощущение собственной беспомощности.

– Что не удивительно после такой жестокой горячки, – покивал ее словам доктор и щёлкнул замком, открывая крышку, – пять дней... Плохо, очень плохо. Организм ослаб... Прошу открыть рот.

Осмотр был вполне стандартным: горло, лимфоузлы под челюстью, пульс... Надо же – стетоскоп. Станный немного. Трубка явно из кожи, и строение другое, но точно он, родимый. В общем, дыхание ей тоже прослушали. Но ослабить глухой ворот доктор даже не заикнулся. И прикасался к груди так, словно Аллелия – мина, а он сапер.

– Воистину чудо, – повторил доктор, – Творцу у годно вернуть Ваше здоровье не тронутым. Хрипы пропали, биение сердце ровное, цвет лица приятен глазу...

За его спиной послышались булькающие звуки.

– Ни за что! Не пущу! Лэрди необходим отдых! Благодные дни в этом месяце придется пропустить!

– Но...

– Нет! – взвизгнула служанка так, что они с доктором скривились почти одновременно. Если у лэрда Медведя голос давил своей густотой, то у Дорис колот барабанные перепонки острым шилом. – Нет, не позволю! Это опасно для здоровья лэрди! В брачном договоре ясно сказано – должна быть здорова. Пять дней жестокой горячки не пройдут бесследно.

Уперев руки у бока так, что острые локти топорщились, как крылья, Дорис хмурила тонкие брови и всем своим видом пыталась продемонстрировать, что если надо – она будет охранять свою госпожу ценой собственной жизни. Валерия даже немного заужавала эту тощую женщину в темном, неказистом платье.

– Думаю, это не лишено смысла, – сдался доктор, – я сообщу лэрду, что его жена пока нуждается в отдыхе.

Очень ловко сложив все инструменты обратно в сундучок, мужчина откланялся и покинул комнату.

Как только дверь закрылась, Дорис без сил упала на свой стул.

– Все равно донесет ведь, – забормотала, доставая платок и прикладывая его ко рту, – старый пройдоха Флинн... Лишь бы перед лэрдом из шкуры выпрыгнуть... Ну месяц-то уже отвоевали. А дальше – как Творец пошлет. Уберегу Вас от монашества. Клянусь душой – берегу!

И Дорис быстро сделала пасс правой рукой, отдаленно напоминая перекрестие.

– От... чего? – пискнула Валерия не своим тоненьким голосом. И от жалостливого взгляда служанки стало совершенно не по себе – так смотрят на смертельно больного или невиновного, которому объявили смертный приговор.

– От монашества, бедняжка моя. Запомняли из-за горячки? Как родите наследника – лэрд сразу в монастырь и отправит. Ох, госпожа, Вам что, дурно?

Глава 4

Валерия не считала себя нежной тургеневской барышней. Два старших брата и отец работа – очень заманчивый пример для подражания. Вагата голосистых мальчишек и содранные коленки были ее спутниками жизни примерно до той поры, пока матушка природа не взялась превращать пацанку в подобие девушки. Софья Николаевна – мама Валерии, которая уже смирилась, что сыновей у нее все-таки трое, очень ловко подгадала момент и с радостью принялась перевоспитывать свою шептунную дочку. Обычный фельдшер в районной больнице, она не хуже гувернантки обхаживала Валерию, мягко, но уверенно уводя прочь от самодельных луков, казаков разбойников и прочих «мальчуковых» радостей. И все же детство помогло выработать в характере определенную твердость. Хамкой Валерия не стала, да и большой драчуньей никогда не была, но какой-никакой внутренний стержень появился.

И вот сейчас в нем появилась здоровая такая трещина. Бабка Синюшка, другой мир, новое тело, муж Медведь и как контрольный выстрел – после родов ее, как надоевшую псину, пинком в монастырь. Мавр сделал свое дело...

Валерия очень старалась, чтобы зубы не стучали друг о друга слишком сильно. Тело этой... Аллелии оказалось ужасно чувствительным к холоду. Дорис уже и камин развела и руки ноги ей растерла, и вторым одеялом укрыла, а озноб все гулял по мышцам, проникая в самые кости и превращая их в обжигающий лед.

– Конечно, не здорова... – бормотала Дорис, – нет, никаких благостных дней! Ледышечка моя, как есть – ледышечка! Вот, бульона горячего скушайте... Как Вы любите – с хлебом и мясными шариками...

Валерия и пикнуть не успела, а ей в рот отправили первую ложку супа.

– А... – вторая порция отправилась вслед за первой.

– М-м-м, – а вот и третья. Дорис пичкала ее бульоном, как заправская нянечка кормит капризного ребенка. Стоило рту чуть приоткрыться, в нем неведомым образом оказывалось полно супа. Вкусного, надо сказать. Только соли слегка больше, чем она привыкла. Подгадать момент было тяжелее, чем достать дефицитное импортное белье в пору ее юности, но Валерия все-таки справилась.

– За что в монастырь? – ам, еще одна порция, с фрикаделькой.

Дорис рассеяно моргнула и опустила ложку.

– Как... Как за что? Лэрди, так всем известно – Бьерн де Нотберг только и мечтает молодую супругу изжить.

– В масть... – потрясенно прошептала Валерия. Это же надо было так с именем угадать. Очевидно, родители лэрда решили не заморачиваться – Бьерн он и есть Бьерн (прим. автора – скандинавское имя, переводится как медведь). Не Эмануэль же, в самом деле.

Валерия вздрогнула, вспоминая огромную фигуру мужчины. Полный антипод миловидности. Одна только грубая животная сила и жесткость в каждой черте. Настоящий солдафон – ему только командовать. Рупора не надо, наверняка благородный лэрд голосом мог разбить граненый стакан.

– Но не тревожьтесь, моя госпожа, – опять залопотала Дорис, зачерпывая новую порцию супа, – все сладится, точно Вам говорю. Хуже партии и придумать нельзя! Где это видано: такую красавицу – и за ужасного Нотберга! Лучше бы король ссылкой отца Вашего наказал, так нет – родную кровинушку в откуп потребовал... Одно хорошо – бастарду здесь не похозяйничать... Будь он проклят.

Валерия послушно глотала суп, слушая этот незамутненный поток сознания. Кое-что становилось ясным: брак, навязанный королем, родственники в опале. Впрочем, когда Дорис

упоминала о семействе Аллелии, то почти каждый раз испуганно оглядывалась по сторонам – понятно, что девушке и в родном доме жилось не сахарно.

Что за бастард, Дорис так и не пояснила, но Валерия почему-то была уверена, что это, скорее всего, или сводный брат или кто-то из ближнего родства. Так же выяснилась фамилия Аллелии – де Моублэйн, а Дорис у нее в няньках с самого рождения. Но как только весь суп был съеден, женщина прекратила выдавать ценнейшие сведенья. Обложив Валерию подушками, велела отдохнуть и набраться сил. Совет был хорошо. Во-первых голова все ещё болела, а во-вторых срочно нужно было решать, что делать. Сидеть на заднице ровно не было ни малейшего желания.

Дорис шуршала по комнате тощей мышью, пока Валерия, послушно зажмурив глаза, безуспешно искала выход из сложившейся ситуации, и так же безуспешно пыталась привыкнуть к отвратительно мягкому матрасу. Настолько плохих кроватей не было даже в побитом жизнью и безразличием властей роддоме, где появился на свет Темка.

Мысль о сыне оказалась до того болезненной, что Валерия тихонько всхлипнула. Одно утешало – мальчик большой уже и не одинокий. Чтобы не случилось с ее «старым» телом, но один Темка ни останется. И все же под сердцем тихонечко ныло, и в уголках глаз копились горячие слезы.

– Ну, будет-будет... – ее руку ласково тронули теплые тонкие пальцы, – вот сейчас Вам песенку спою – враз все печали прогоню.

Голос Дорис зазвучал неожиданно мягко и нежно. Валерия сама сжала руку женщины, малодушно принимая заботу, которая предназначалась другой. Дорис пела ей глупую, совсем детскую колыбельную, но мистическим образом каждый звук нес в себе крупицу спокойствия и долгожданного сна.

– Зайки бродят по лужайке.

Баю бай. Баю бай

Мягкие мои вы зайки.

Баю бай. Баю бай...

Монотонный голос обволакивал, делая веки тяжёлыми, а мысли лёгкими и белыми, как те зайки. Валерия зевнула раз, другой, а вот третий уже не помнила. Сон навалился пушистым медведем и утопил сознание в спасительной темноте без сновидений и тревог.

– А-а-аллелия!

Твою ж... налево. Пробуждение было приятным ровно до того момента, пока в уши не ввинтился режущий голос Дорис.

Значит – не приснилось. Хотя Валерия перестала надеяться как только почувствовала под собой ужасную мягкость перины. Досок, что ли попросить подложить? – Аллелия, госпожа моя! Радость-то какая! Лэрд уехать изволил! Самой зарей...

Валерия вздохнула и приоткрыла один глаз. Медведя рядом не наблюдалось. Да и с какой, собственно, стати? Судя по всему, в эту комнату мужчина является в основном с благой целью – оплодотворение супруги. Или у себя шалить предпочитает?

– Должно быть, опять на стройке рабочих гоняет, – рассуждала Дорис, ныряя с головой в шкаф и вытаскивая оттуда нечто ужасного конфетно-розового цвета, – а ещё лучше, чтобы в срамном доме госпожи Грэй забылся...

Отлично, лэрд Медведь и по девочкам пройтись не прочь! Довольно странно, с учётом того, что юная Аллелия весьма не дурна собой: миловидное личико с наивными лазурными глазищами, свежее тело, небольшая, но аккуратная и высокая грудь и, как вишенка на торте,

очень эротичная прическа между ног. «Сама бы себе дала, – пронеслась в голове пошловатая фраза, – у них хоть брачная ночь была вообще?»

И стоило представить обнажённую маленькую девушку-девочку в медвежьих объятьях, как внизу живота сладко дрогнуло. Валерия поперхнулась, до боли в пальцах стискивая кружевное одеяло. Не может быть... То есть может. Ну, конечно, может! Тело молодое, сильное, с гормонами полный порядок. А ведь она и забыла каково это – чувствовать возбуждение. Климакс сам по себе неизбежен, но когда он наступает в сорок пять... В общем, приятного мало. Хотя к этому времени сексуальная жизнь Валерии давно оставляла желать лучшего, но последнее, что отделяло ее от полноценной телесной старости терять было жаль. Может, у кого-то влечение остаётся, но ее либидо окончательно исчезло.

– ... нет, не поедет лэрд в срамный дом, – донеслось до нее бормотание Дорис. – Жилы рвет – приказ короля выполнить спешит. Выслуживается. Тьфу!

Голос служанки звучал злее и уверенней. Больше она не втягивала голову в худые плечи, а смело вышагивала по комнате, подготавливая ее к утренним процедурам. Внизу живота опять потянуло, но отнюдь не из-за желания. Настроение резко испортилось, стоило подумать о ночных горшках и подтеках нечистот на крепостных стенах. Вряд ли это строение было оборудовано канализацией.

– Дорис, мне... – Валерия прокашлялась, внутренне обмирая от непривычно нежного и мягкого голоса, – мне нужно...

– Ох, госпожа моя... вставать рано! Вы больны, слышите? Куда, лэрди Аллелия?! Что Вы...

Но Валерия уже свесила ноги с кровати. Если она проведет в этом облаке из перин и подушек ещё хоть пять минут – рехнется окончательно.

Дорис кудахтала над ней, называя несмысленным и глупышкой. Но, убедившись в твердом намерении встать и самой отправиться на поиски горшка, быстренько схватила розовый ужас, оказавшийся чем-то средним между платьем и халатом, и ловко набросила на плечи, помогая вдеть руки в рукава и запахнуться.

– Так, теперь ножки...

Из-под кровати была извлечена пара небольших тапочек. Стопа у Аллелии оказалась такой же миниатюрной. Размер тридцать шестой – не больше.

– Не прилично в таком-то виде, но что поделать, – приговаривала Дорис.

– Неприлично? – попугаем повторила Валерия. Да она укутана по самое горло, даже рукава закрывают полкисти. В каком месте тут неприлично? Мочки ушей постыдно обнажены?

– Ох, не тревожьтесь, птичка моя, не зайдет сюда никто. И лежали бы, зачем вскочили? Я бы и сама справилась.

Действительно, вряд ли бессознательная Аллелия все пять дней терпела. Подхватив ее под локоть, Дорис завернула к плотно запахнутым гардинам, которые висели на противоположной от окна стене. Дернув за толстый шнур, служанка распахнула их, открывая обычную на вид дверь, за которой оказалась уборная.

– Хм-м-м, – тихонько промычала Валерия – однако поторопилась она с ярлыком «грязного средневековья».

Комнатушка была сплошь из грубого темного камня, как и спальня. По центру возвышалась купель, а из-за ширмы выглядывал необычный, но все-таки унитаз с плотной тяжелой крышкой. Разумеется, никаких кранов и труб – смыв и набор воды осуществлялся ведрами, чинно стоявшими в углу около вместительной бадьи, а для нагрева тут имелась каменка, что придавала ванной сходство с баней. Даже оконце было одно – совсем узенькое. Пахло, кстати, приятно – мятой и чем-то незнакомым. Валерия успела заметить пучки трав, прикрепленные к балкам потолка. На полках лежали стопки полотенец и стояли всякие баночки и флакончики

– видимо, притирки или шампуни. Валерия мельком тронула тяжелую золотую косу – на такие волосы моющих надо не горшочек, а ведро.

– Дорис, м-м-м, оставь меня, пожалуйста.

По напряженному молчанию Валерия поняла, что ляпнула явно не то. «Ошибка номер раз – прислугу не просят», – шепотом подсказал здравый смысл. Валерия нахмурила брови, припомнила, как отшивала иных нахальных личностей, и строго повторила:

– Выйди, Дорис.

– Но, лэрди Аллелия, как же Вы сама?! Недавно без памяти! – залепетала служанка. – Ох, нельзя было позволять вставать, нельзя!

– До-рис...

Под горестные вздохи и причитания дверь все же захлопнулась, и Валерия оказалась в долгожданном одиночестве. Кое-как задрав платье-халат, она еще раз критически осмотрела себя новую до пояса и пришла к выводу, что природа к Аллелии была более чем добра. Лишней растительности не наблюдалось, за исключением нежного пушка на лобке. Подмышками тоже оказалось гладко.

А вот с физическими данными дело обстояло гораздо хуже. Болезнь болезнью, но Валерия чувствовала, что утомляется слишком быстро. Даже просто поднять ведро, чтобы плеснуть воды в допотопный унитаз, оказалось трудно. Хотя чего ожидать от аристократки, руками и ногами которой наверняка была худющая Дорис?

Служанка поджидала ее под дверью и, как только Валерия высунула нос из уборной, бросилась смывать, но через пол минуты выскочила обратно, как пробка из бутылки шампанского. Блекло-голубые глаза женщины были совершенно круглые.

– Как... как... – заикалась бедняжка, всплескивая руками и смешно складывая брови, – сама... Как можно! Госпожа! Нет – в постель! У Вас горячка. Самой – и ведро поднимать! Такая тяжесть!

Упс, промашка вышла. Валерия капризно надула губы и сразу перешла в наступление.

– Есть хочу!

Служанка тут же растеряла весь пыл и засуетилась.

– Конечно-конечно. Волосики только причешем.

Быстро усадив Валерию перед зеркалом на бархатный пуфик и подсунув такую же бархатную подставочку под ноги, Дорис сдернула портьеру. Валерия вздрогнула, впиваясь взглядом в собственное незнакомое отражение. Сколько ей? Восемнадцать или меньше? Совсем юная... Лэрд Медведь извращенцем себя хоть не чувствовал, когда это создание под венец вел?

Девушка в зеркале глубоко вздохнула, слегка приоткрыв нежно-розовые губы. Именно ее рот портил классическую красоту лица и в то же время был изюминкой: чуть широковатый, но красиво очерченный, он первый обращал на себя внимание.

Валерия не знала стандартов красоты этого мира, но по земным меркам девушка смело могла идти в фотомодели. Без конкурса приняли бы. Одни эти волосы чего стоят. Одна коса расплелась и золотой водопад укрыл правое плечо.

– Ого! – тихонько выдохнул Валерия. О такой шевелюре мечтает каждая женщина – густая, волосок к волоску, а цвет какой! Прямо как у Рапунцель из диснеевского мультика. Кстати чем-то Аллелия ее напоминала. Ловкие пальцы Дорис разобрали и вторую косицу.

– Ах, до чего на матушку похожи, – вздохнула служанка, хватая с подставки длиннозубый гребень, – вылитая лэрди Аделаида, упокой Творец ее душу.

– Расскажи мне про нее, Дорис.

Голос звучал напряженно, но не скорбь была тому причиной. Валерии требовалась любая информация, а то ещё чего доброго раньше времени в монастырь сдадут, в келью с мягкими белыми стенами. Но Дорис ее вопросу не удивилась.

– Да сколько уже рассказывала... Понимаю – все мало... Полгодика Вам исполнилось, как лэрди покинула этот мир. Любила Вас – страсть как. Сама после родов слабее птенчика, а на руках качает и качает, колыбельную поет. И, прости Творец, но за что столь добродетельную женщину отдали за лэрда де Моублэйна, я не знаю... Ах, была бы она сейчас жива – не допустила бы этого брака! Но теперь госпожа в лучшем из миров. Надо будет заказать молебен, всенепременно. Это лэрди Аделаида вернула мне Вас, госпожа...

Гребень легко скользил в золотых волнах.

– ... точно она! Негоже оставлять этот мир в столь юном возрасте. Девятнадцатая весна всего – вся жизнь впереди!

Значит, восемнадцать есть – уже неплохо ...

– Дорис, что-то после болезни память, к-хм, как в тумане. А лэрду Ме... лэрду Бьерну де Нотбергу сколько... весен?

– Так тридцать вторая уже минула, – легко отозвалась служанка, увлеченная расчёсыванием, – как раз за месяц до, прости Творец, наказания этого – вашей свадьбы. Ох, волосы что-то нездоровы...

– Может, обрезать? – без задней мысли предложила Валерия. Гребень стукнулся об пол, а Дорис схватилась за сердце, бледнея до синевы.

– Об... резать?! – свистящим шепотом переспросила служанка. – Ах... ах... ах...

– Кончики только! – всполошились Валерия. Сердечного приступа ей здесь не хватало! – Вот столечко! – показала пальцами маленькую щёлочку.

Служанка со свистом втянула воздух и даже попыталась ослабить глухой ворот платья.

– Ох... госпожа, – улыбнулась, доставая из рукава платочек и промокивая пот на лбу, – а я-то подумала, дурная голова... Чтобы благородная лэрди – и волосы обрезать вздумала, обрекая себя на позор... А кончики в этом цикле уже ровняли, запомнили что ли? И так в прошлый раз сняли много. Целых три пальца!

Валерия мельком глянула на Дорис. Темные волосы служанки были свёрнуты гулькой. Тоже длинные, но до пояса – не ниже.

Дальнейшее расчесывание проходило в тишине. Дорис быстро переплела косы, и соорудила из них тяжёлый узел на затылке, выпустив концы до лопаток.

– А теперь ступай в постель, моя госпожа. Сейчас велю принести завтрак.

О нет, только не в это мягкое орудие пыток! Валерия опять «капризно» надула губы и сложила руки на груди.

– Хочу за столом!

– Но милая...

– Хочу!

Так, кажется с Дорис она нашла более или менее подходящую линию поведения. Слушать горестные причитания служанки было стыдно, но пока Валерии просто необходимо было выглядеть «собой».

Усадив ее в кресло, Дорис выскочила в коридор. Должно быть, распоряжаться на счет завтрака. Оставшись одна, Валерия еще раз осмотрела комнату, привычно помассировала виски, собираясь с мыслями, и решила после еды непременно разведать обстановку, и прежде всего ей нужна была библиотека.

Глава 5

Каменный сарай – примерно так Валерия могла охарактеризовать замок. Темный, большой и мрачный, как сам хозяин. По длинным коридорам гуляли сквозняки. Некоторые окна имели только ставни, в щели которых задувал ветер, масляные светильники и свечи закоптили стены, под ногами – голые холодные плиты, а служанка в темной одежде и сером чепце, тащившая корзину с бельем, напоминала бледное приведение.

– Лэрди де Нотберг, – прошелестела девушка простуженным голосом, низко склоняя голову. У них тут что, эпидемия была? Валерия рассеяно кивнула, и служанка поспешила скрыться из вида.

– Ох, лэрди Аллелия, не стоило нам выходить, – затянула старую шарманку Дорис, когда эхо шагов девушки затихло, – Мари непременно донесет бессовестному лекарю, что Вы на ножки встали. Ох, ну зачем Вам вдруг понадобилась библиотека?

– Хочу, – повторила Валерия волшебное слово, – Дорис, а напомни мне – когда я слегла с горячкой?

– Так сразу как из пруда достали. Это ж нужно так оступиться было! А я говорила ведь: не подходите близко к берегу – скользко там! Нет, убежали от меня, глупенькая. Опять обиделись на свою Дорис... А я ведь только добра Вам желала. Только добра!

Валерия задумчиво кивала. Юная лэрди ко всему прочему еще и неуклюжа. Хотя с принятыми тут нарядами легко можно наступить себе на подол. Закрытое темно-зеленое платье, что выдала ей Дорис, было, к счастью, без удушающе-жесткого корсета, но имело шлейф и довольно пышную юбку, которую так и хотелось подобрать – Валерия привыкла к длине на два пальца выше колена. Сверху полагался плотный плащ, отороченный белым мехом – очень спасало от холода, царившего в коридорах замка. Но тело Аллелии все равно остро чувствовало малейший сквозняк.

– Вот, пришли наконец-то.

Дорис толкнула двустворчатую дверь, и перед ними предстала библиотека. Поправка – подобие библиотеки с подобием библиотекаря. Ковылявший им навстречу старик был таким же ветхим, как и само помещение.

– Лэрди де Нотберг? – прошелестел дедуля, сгибая и без того согнутую спину. – Рад видеть Вас в добром здравии.

Старость отыгралась на его внешности, но совершенно не тронула рассудок. Насыщенно-зеленые глаза смотрели настолько умно и пронизательно, что Валерия поняла – ни одно ее слово и движение не остается без внимания.

Нервно оглянувшись по сторонам, она заметила у окна широкий стол-витрину. Кивком ответив на приветствие, Валерия уверенной походкой устремилась туда.

Карта. Ну что ж, не дурно. Символы на ней были непонятны лишь первое мгновение, а потом как по волшебству обрели смысл. Наверное, то же творилось с языком, ведь говорили окружающие явно не на русском. Валерия невесело ухмыльнулась, вспоминая те несколько романов с попаданками, что ей довелось прочесть. Вместо красавца ректора ей достался угрюмый медведь, а магии уж тем более не наблюдалось. Ну хоть знатная леди... С перспективой посвятить себя молитвам.

Валерия чуть наклонилась, разглядывая темный пергамент. Каллиграфическим почерком над изображением карты было написано «Англанд». Англия? Очень похоже. Очертания земель наводили на ту же мысль, и все-таки это были определенно другое государство. И не остров, а полуостров. Значит, она не в прошлом. Но где? Параллельный мир? Будущее после войны или катаклизма, каким-то образом присоединившего эти земли к континенту? 2875 год... Вполне возможно...

Так, а что это выделено красной обводкой? Наверное, земли лэрда Медведя, к которым недавно был добавлен хороший такой кусок, как раз граничащий с «материком». Валерия склонилась еще ниже. Очень странный пунктир...

– Лэрди заинтересовал новый торговый тракт? – проскрипел над головой старик библиотекарь.

– Заинтересовал, – согласилась она. Уж не это ли поручение, которое так спешит исполнить де Нотберг? А что, вполне логично. За заслуги перед отечеством вот тебе, дружок, кусок земли, постройка на нем путь торговый... Хотя, если принять во внимание, что новая дорога срежет добрый крюк вот этой, судя по всему старой, то стройка очень даже окупится. И деревни рядышком сразу в рост пойдут... Это же сколько новых рабочих мест и какие прибыли! Интересно, а чем торговать будут?

– Земли де Нотберга славятся своими кузнецами и виноделами. Лучший в Англии гротс хранится в дубовых бочках под Вашими ногами. Но в основном поставки будут вестись из столицы.

Валерия прикусила язык. Ляпнула в слух, балда. А что такое гротс? Название вина? Надо запомнить...

– Георг Великий мудро решил укрепить границы торговлей, – продолжил библиотекарь, – желаете взглянуть на копии Указов?

Размышляла Валерия недолго. Ей в любом случае нужны знания, а корчить из себя капризную дуру перед умным человеком у нее не хватит актерского мастерства и желания.

– Дайте мне копии Указов. И родословную де Нотбергов.

– Вляпалась, – шипела Валерия, расхаживая из угла в угол, – чтоб тебе, блудница синеглазая, эта шаверма... да поперек горла...

Остановившись перед столом, заваленным свитками и книгами, она схватила верхнюю из стопки, открыла, закрыла и опять швырнула на стол.

Внутри жгло и клокотало. Валерия ненавидела чувство собственной беспомощности. Оно выедало изнутри, вынуждая бестолково метаться по комнате и в сотый раз перелистывать истертые страницы книг.

Никакой магии, никаких других миров, никаких порталов, ритуалов, танцев с бубнами или хоть чего-нибудь, что могло бы помочь ей вернуться обратно. И если в первый день Валерия бралась за книги с уверенностью, то на четвертый пальцы слабели от ощущения безнадежности.

С потусторонним была связана лишь одна книга – типа местной Библии. Продираясь сквозь напутствия святых и восхваления Творца, который сотворил этот мир из «облака чистого пламени» (Взрыв? Метеорит? Красное словцо? Ни одного пояснения), Валерия выловила информацию лишь о «ключкольниках» – да, именно в одно слово, и «камне истины». Первое имелось у всего высшего сословия – то есть лэрдс и короля – и позволяло воспользоваться родовым хранилищем. Второе было местным детектором лжи. Валерия долго разглядывала рисунок кристалла на тумбе. Все наглядно и ясно – произносишь клятву, кладешь руку и если лжешь – кристалл темнеет, говоришь правду – остается чистым.

И что-то ей подсказывало: вряд ли тут есть место чуду.

Перед носом очутилось окно. Разноцветные стеклышки скрывали весеннюю слякоть. И у нее так же! Вся разряженная в платье и такая молодая-красивая, а будущее гадкое и серое, как пейзаж за окном.

Парочка книг просветили о положении женщин в этом мире, и в частности – лэрди Аллегии в замке де Нотбергов. Скажем равноправие – нет, а монастырям для навязанных жен –

да! Приказ короля вынудил одного из генералов жениться на дочери мятежника – Феликса де Моублэйна. Папаша Аллелии решил поиграть в шпиона и заговорщика. Мятеж раскрыли, кого помельче – казнили, а нескольких аристократов показательно унизили. Лэрду Медведю отошли почти все земли де Моублэйнов, как приданное единственной дочери.

Терпеть в своем замке мелкую пигалицу и истеричную служанку? Валерия даже поехала, вспоминая тяжелый взгляд лэрда. Нет, такой не станет – не с его амбициями. Мужик себе на военной карьере имя и титул сколотил. Начинал, по правде говоря, не с солдата – род де Нотбергов был благородного происхождения, но лэрда получил за участие в подавлении последнего мятежа. А довеском – жену и задачу построить торговый путь. Само собой, не за «спасибо». Если все сладится, де Нотбергу и его потомкам полагалась четверть от пошлин на товары.

Окна задрожали от резкого порыва ветра, и Валерия опять направилась к столу. Где Дорис носит? Без болтливой служанки ей бы пришлось худо. Разбавляя речь причитаниями над «больной» госпожой, женщина иногда подкидывала и факты о прошлой жизни. Бастардом оказался сводный брат, которого папаша прижил от служанки. Наверняка без ее на то согласия – голос Дорис истекал жалостью. Валерия ненавидела насилие до трясушки, и уже заочно была готова встретить благородную сволочь с овечьими ножницами и сделать из недомужика полноценное «оно».

Но куда хуже было понимать, что подобное тут происходило повсеместно. Книга «Благости и Смирения» вещала о покорности женщины перед мужчиной, а в частности – мужем. Равноправие и рядом не проходило. Киндер, кюхе, кирхе* (прим. автора – дети, кухня, церковь – немецкое устойчивое выражение). А не бросилась ли лэрди Аллелия в пруд сама, проведя «веселую» брачную ночь с Медведем?

Валерия топнула ногой.

– Твою ж налево... – зашипела стискивая в пальцах нежно голубой подол платья. Еще одним раздражавшим и внушавшим страх моментом стало проявление привычек прошлой владелицы. Например, постоянное перебирание хвостика косы или кончика пояса, или это вот капризное топанье ногой. Проснулась тяга к местной сдобе, за ужином Валерия в охотку съедала большой ломоть пирога с джемом, хотя «настоящая» она к сладкому была совершенна равнодушна. Характер тоже стал приобретать не свойственную ей эмоциональность и порывистость. Но хуже всего – с каждым часом в ней росло ощущение принятия нового тела.

Валерия подбежала к зеркалу, вновь оглядывая всю себя. Нежная упругая кожа, юное тело красивое лицо с лазурными глазами-озерами. И вся такая девочка-девочка... Свежая и чистая. Конечно, ей хотелось молодости! Чтобы вот так просто взять и вскочить на ноги или сладко потянулся утром, чувствуя себя не разбитым корытом, а живой и полной энергии. Не знать, что такое бессонница от усталости, когда в глаза словно швырнули горсть песка, а голова будто чугунная, но сна все нет и нет. Тело Аллелии слабое, избалованное вниманием слуг и образом жизни, однако оно молодое. Оно не знает ни боли в коленях, ни ноющих перед дождем костей.

Валерия приподняла губу, разглядывая ровные белые зубки. Голливудские дивы подошли бы от зависти. Жемчуг! Не хуже чем у бабки Синюшки... Девушка в зеркале злобно сверкнула глазами. И личико сразу стало взрослее.

Дверь за спиной хлопнула, и в комнату влетела бледная, как мел, Дорис.

– Гос... госпожа... – прошептала служанка прыгающими губами. – Лэрд возвращается!

И женщина разрыдалась, прижимая ко рту платок.

Глава 6

– Не надо было вставать, не надо было вставать, – как мантру твердила Дорис, прикладывая к ее щекам ледяное полотенце, и в сотый раз поправляя одеяло, а Валерию разрывало от желания отпихнуть служанку в сторону, вскочить на ноги и бежать, бежать из средневекового дурдома. Лэрду Медведю не сиделось на стройке или в борделе – она так и не узнала, откуда именно возвращался де Нотберг. Он решил все же воспользоваться законным правом и провести «благостные» дни с пользой. Для себя, разумеется.

Поэтому сейчас из Валерии стряпали «больную», попутно выговаривая, что ей надлежало валяться в постели, а не бегать по замку.

И хотелось бы огрызнуться, но Дорис была права. Похоже, вылазка в библиотеку не осталась без внимания. И пусть Валерия прошлась по коридорам замка один раз, а потом, как просила Дорис, отыгрывала и дальше роль больной девушки, но де Нотбергу этого оказалось достаточно. Наверное, вдобавок ей все же стоило поумерить и аппетит, но... Рот затопило слюной, и Валерия облизнула губы. Средневековье средневековьем, а кормили тут вкусно. Фуа-гра никто не подавал, но нехитрые блюда были приготовлены на редкость хорошо. А чего стоила выпечка!

Дверь распахнулась без стука, и Дорис буквально отпрыгнула в сторону, комкая в руках полотенце.

Сердце почему-то сделало кульбит и забило под горлом. Лэрд Медведь собственной персоной. Опять застыл на пороге, в своем темном плаще и невозможным беспорядком на голове. Явился, сволочь, за благостными днями... По-человечески – фертильными: пять ночей «любви», прописанных в брачном договоре. Валерия краснела в глубоком детстве, но сейчас лицо обдало таким жаром, что перед глазами поплыл туман.

От одной мысли, как контрастно смотрятся рядом воздушная Аллелия и муж Медведь в голове вспыхивали очень пикантные образы. Да и сама Валерия всегда была равнодушна к такому типу мужчин. Чтобы огромный рост, широкие плечи и сильные руки. Последнее было ее особенным фетишем.

Закушенная щека не помогла справиться с мягким томлением внизу живота. Валерия заерзала, но взгляда не отвела. Де Нотберг нахмурился еще больше.

– Доброго дня, лэрди Аллелия.

Ее чуть с кровати не снесло. Ну и голос! Все кости вибрируют в такт густым перекатам и легкому рычанию. Точно – медведь.

– Добрый день, лэрд... Бьерн.

Дорис что-то тихо пискнула, а густые брови мужчины поползли вверх. Какой странный у него цвет глаз, светло-коричневый или даже... желтый? Валерия моргнула, отгоняя желание вскочить с кровати и рассмотреть ближе.

– Я вижу, Вам лучше.

Как мило, с ней поздоровались и даже «выкают», возможно, лэрд де Нотберг все же посетил бордель. Неожиданная злость хлесткими пощечинами обожгла едва остывшие щеки.

– Я чувствую слабость, – прошипела, откидываясь на подушки и принимая томный вид.

По лицу мужчины пробежала тень. Валерия подавилась воздухом, когда в несколько шагов он пересек комнату и лохматой горой навис сверху. Глубоко посаженные глаза действительно отдавали желтизной. И это взгляд – ее словно подцепили на крючок, как глупую золотую рыбку.

– Настолько слабы, что не оставляете на тарелке ни крошки, а потом находите силы до вечера держать в руках книгу?

– После болезни мое тело нуждается в пище и прогулках, – дернула плечом Валерия, – на улице что-то прохладно... От чего не занять себя чтением?

От пристального взгляда так и хотелось юркнуть под одеяло. Голос ломался и прыгал, ее кидало то в пот, то в озноб, но, упрямо закусив губу, Валерия смотрела на темную громадину и даже почти не втягивала голову в плечи.

Мужчина неожиданно хмыкнул, а потом нагло ухватил ее за подбородок, вынуждая еще больше задрать голову.

– Моих познаний в лекарском деле хватает, чтобы зашить рану или вправить кости...

Валерия поспешила отвести глаза. Горячие и шершавые, его пальцы жгли нежную кожу. Мышцы окаменели, и мысли связались в один сумбурный узел, но мозгов хватило, чтобы нащупать острое зерно провокации в небрежных словах.

– ...но здоровье молодой женщины мне оценивать не приходилось.

Язык колело от желания высказаться про бордель, интересуясь состоянием мужского здоровья, но Валерия благоразумно молчала. Лэрд выглядел медведем, но не идиотом. И, скорее всего, у него были проверенные девочки для разврата.

– Три дня Вас будет наблюдать Флинн. Если он решит, что Вы здоровы, то оставшиеся благостные дни пройдут, как должны проходить.

Подбородок получил свободу и, круто развернувшись, де Нотберг вышел, на прощание одарив ее еще одним внимательным взглядом. А Валерия только сейчас поняла, как крепко сжимает одеяло. И ужасная дубовая ночнушка вся взмокла на спине.

– Ох, госпожа, – вспорол тишину дрожащий голос Дорис, – зачем Вы так дерзили лэрду? Не миновать нам теперь исполнения брачного договора...

И служанка судорожно всхлипнула.

– Позвольте Вашу руку, лэрди...

Лекарь Флинн вел себя сдержанно, но в глаза не смотрел. И голос у него был сухим и бесцветным. Валерия отлично помнила, что точно так же ей сообщали о внезапном увольнении, году этак в двухтысячном. Завод обанкротился, а у нее сын только в новую школу пошел, и муж с надорванной спиной. Она тогда в первый раз за долгое время заплакала. Вот вышла за проходную, до ближайшей лавки доползла, и так накатило... Рыдала белугой. Хреновый был год: мама умерла, потом у мужа травма на производстве, ребенок в коллективе еле приживался – цапался и с детьми, и с учителями. Ей зарплату платить перестали, а потом и совсем уволили. Куда идти? Вокруг безработица и произвол страшный. Но ничего, как-то выдержала. Братья откликнулись, подруга помогла...

А вот теперь она один на один с проблемами. Только Дорис рядом. И каждое утро блекло-голубые глаза женщины были красны от слез. Валерию всегда раздражала истеричность и плаксивость, но Дорис почему-то было искренне жаль. Служанка любила свою избалованную госпожу, беззаветно и преданно. Невольно Валерии вспоминалась цвейговская Лепорелла.

– Я буду молить Творца, чтобы благостные дни были пустыми, – шептала служанка, каждый вечер протягивая ей чашку с темным отваром. – Выпейте, это должно помочь. Ах, еще бы два месяца... Свежий сок сухопута куда надежнее...

– Повезет в этот месяц, может, в следующем, – как-то поинтересовалась Валерия, – а что потом?

Тогда Дорис впервые посмотрела на нее гораздо пристальней, и Валерия внутренне похолодела – наверняка у служанки и юной лэрди был хоть какой-нибудь план, но их разговор прервала служанка Мари, которая явилась поменять постель.

– Ваш пульс нормален, лэрди.

Голос лекаря по-прежнему был безучастен, но теперь мужчина смотрел на нее. В чуть прищуренных глазах и напряженно поджатых губах Валерия видела неловкость.

– Флинн, разве ты не видишь, что госпожа еще слаба? А лэрд, он...

Дорис запнулась, прижимая измятый платок к губам, а лекарь опять отвел взгляд.

– Я присягал своему господину, лэрди, – обратился он к сундуку на прикроватном столике, – его прямой приказ – следить за Вами и Вашим здоровьем.

Ей бы запустить в лекаря фарфоровой чашкой или устроить истерику с обвинениями, но Валерия лишь сдержанно кивнула. Если врач удивился, то вида не подал. Молча собрал свои инструменты и был таков.

– Следующей ночью сюда придет лэрд, – печально подвела итог Дорис. – Вас нужно подготовить, моя госпожа.

Глава 7

«Закрой глаза и думай об Англии» – Валерия нервно хихикнула, осматривая хлопковый ужас.

После долгих купаний, со множеством ароматных притирок, а потом не менее продолжительных расчёсываний скорбно-молчаливая Дорис выдала ей... это.

Еще в первый день внезапного омоложения вместе со сменой мира и социального статуса Валерия поняла, что с моралью тут строго. Просто Викторианская эпоха какая-то. Вот и рубашечка под стать – просторный белый мешок с традиционно глухим воротом и рукавами, а на животе – длинный разрез.

– Модно, стильно, молодёжно, – пробормотала, растягивая края в стороны. – Хоть бы рюшек налепили.

В тишине собственный голос звучал дико и неестественно. И в свете одинокой свечи она казалась себе приведением, обреченным на вечное скитание и тоску. Дорис ушла, на прощание пообещав молиться всю ночь. А лэрд где-то шлялся, не торопясь воспользоваться благостным днем. Вот бы где заблудился по дороге, и ей не пришлось... Валерия оборвала саму себя, как и сотню раз до этого. Малодушно пыталась не думать об измене настоящему мужу, и тут же мысленно оправдывалась, что ничего не может сделать. Убежать? Глупо. Устроить истерику или притвориться, что болит живот, голова, ноги-руки... Валерия фыркнула. Медведю и дела нет до ее страданий. Ему наследника подавай.

Валерия зло глянула на дверь и побрела к кровати. Коленки немного дрожали от подступающей волнами паники.

Де Нотберг мог ее просто порвать. Или задушить, если она будет сопротивляться слишком сильно. На подбородке до сих пор ощущалась хватка крепких пальцев, и внутренности скручивались в дрожащий ледяной ком, заставляя нервно теребить кончик косы и облизывать пересохшие губы. Валерии казалось, что боится не только она настоящая. Тело Аллелии тряслось и дергалось, несмотря на усиленные попытки взять себя в руки. И ещё муж...

Валерия в полголоса выругалась. И будто в ответ дверь содрогнулась от удара. «Тихонько» постучав, так, что дверь чуть не сломалась, в комнату вошёл лэрд Медведь.

Валерия застыла у самой кровати, так и не успев нырнуть под расстеленное одеяло. У нее что, новая прислуга? Мужчина нёс дымящийся паром кубок и какой-то темный флакон. В огромной лапше посуда выглядела игрушечной, но была точно больше тех чашечек, что давала ей Дорис.

Лэрд на мгновение замешкался, но, коротко кивнув, прошел мимо и поставил кубок на стол.

– Готовьтесь, лэрди, – бросил сухо и пошёл за ширму, которую установила Дорис. Послышалось шуршание, и сверху лег плащ. Потом темно синяя рубаха...

Валерия посмотрела на кубок. Золотисто-коричневая жидкость в нем немного пахла мятой. Успокоительное? Однако... Смочив палец, она аккуратно попробовала его на язык. Точно – мята тут есть. А ещё мед и немножко... алкоголя? Очень своевременно. Валерия сделала небольшой глоточек. Мягкое тепло прокатилось по горлу и скользнуло в желудок, тут же впитываясь и разбегаясь по венам. Коленки перестали дрожать, а сердце заполошно прыгать.

Страх сменился удивлением. Ее самочувствие оказалось важно мужчине... И как-то полегчало вдруг, словно камень с души упал – сопротивление и крики Медведя точно не возбуждали. Иначе завалил бы ее сходу на постель, для надёжности прикрутив собственным ремнем.

– Вы выпили отвар, лэрди? – донеслось из-за ширмы. Воровато оглянувшись, Валерия сделала ещё глоток, а остальное слила в ополовиненный ею кувшин воды. Кто знает, может, здесь кроме успокоительного и что-нибудь, повышающее шанс на зачатие.

– Да.

– Хорошо.

Быстренько юркнув в кровать, Валерия стиснула кулаки, готовясь к появлению «супруга», но из-за ширмы никто не вышел. Лэрд что, голый там сидит? Штаны лежали поверх рубахи, но демонстрировать свое обнаженное медвежество мужчина не спешил. Слуха коснулись какие-то странные хлюпающие звуки...

Раскрыв рот, Валерия тут же его и захлопнула. Сидя за ширмой де Нотберг занимался, как бы это сказать... самоудовлетворением.

– Дурдом, – пробормотала Валерия, и чуть вытянула шею, стараясь рассмотреть, что же все-таки там происходит.

Глава 8

Двух глотков отвара оказалось достаточно, чтобы страх совершенно ушел, а вот решительность вернулась. В самом деле – чего это она разнервничалась? Мужиков голых видела? Видела. Что с ними делать знает? Знает. С подводной лодки, то есть из замка, никуда не деться? Никуда. Так, собственно, какого черта?

Характерные звуки прекратились, и из-за ширмы вышел обнаженный лэрд.

Валерия даже на кровати приподнялась.

– Ого, – выдохнула едва слышно, забывая, как дышать и вообще обо всем на свете.

Вот это... мужчина! Скулы обожгло таким жаром, словно ей в лицо плеснули обжигающе-горячей воды. Да-а-а... С таким достоинством только в порноактеры... Это же... это...

Она перевела потрясенный взгляд на лэрда. И в данный момент ей было глубоко плевать, что он так же потрясённо смотрит на нее. Порвать себя она не даст. Не всегда больше – значит лучше. Не сказать, чтобы много, но мужчины у Валерии были, и они были разные. Кроме эстетического восторга, возбуждённый член вызывал опасение своими впечатляющими размерами. Свет одной единственной свечи отражался в смазке, покрывавшей мужскую плоть от большой бордовой головки до густых завитков в паху.

Облизнув пересохшие губы, она вновь окинула мужчину взглядом. Темная дорожка на животе была широкой и плотной. Так любимые женщинами кубики проглядывали лишь намеком, но это совершенно не портило фигуру. Более того, Валерия бы искренне удивилась, увидев хорошо прокачанный пресс. Это только в кино или книгах. Ну, или если мужчина целенаправленно занимается фигурой. Перед ней же стоял настоящий воин. Намекая на частые занятия с мечом – жгуты мышц бугрились на широких от природы плечах и грудной клетке, покрытой уже более светлой и мелкой, но все равно растительностью. Предплечья были сбитыми и толстыми, а крупные кисти украшали темные змеи вен. И шрамы... она видела светлые рваные рубцы. Больше всего на руках. Несколько на ногах и один – длинный и толстый – шел от правого плеча к груди.

Первым очнулся мужчина.

– Почему Вы ещё не готовы, лэрди? – хриплым голосом вибрировал от напряжения. Валерия взглянула в потемневшие глаза и поняла – а сам лэрд уже вот-вот завершит то, для чего явился сюда. В какой-то прострации она наблюдала, как к ней приближается огромный возбуждённый мужчина. Машинально подвинулась, давая ему место, но заработала лишь нахмуренные брови и краткое:

– На спину, ноги раздвинуть.

Ага, сейчас... Прогоняя оцепенение, она мотнула головой и подвинулась ещё больше.

– Сам... То есть... Сейчас на спину лучше лечь Вам, лэрд.

Кажется, она сломала Медведя. Мужчина «завис», переваривая ее предложение. Одновременно хмурый и удивленный, он просто застыл, и даже его «настроение» слегка поникло.

– На спину? – прогудел уже без командирских ноток в голосе. – Я?!

– Мне так будет легче, – рискнула Валерия. Может, сработает? Не насильник вроде... Отвар принес, намазался чем-то, чтобы легче шло... Лэрд окинул ее пристальным взглядом, но вдруг как-то странно хмыкнул, а в следующее мгновение она чуть не скатилась под бок к лежавшему на спине мужчине. Кровать жалобно заскрипела от его тяжести.

Лэрд посмотрел на нее, чуть выгнув бровь, мол, ну и что дальше?

Так, ладно. Валерия глубоко вздохнула, и, не давая себе опомниться, задрала ужасную ночнушку и оседлала крепкие мужские бедра. Лэрд Медведь вздрогнул так, что ее подбросило. Схватил за талию, но тут же отдернул руки.

– Хватит...

– Тихо! – пискнула сорванным голосом, и мужчина послушно заткнулся.

Во все глаза разглядывая две маленькие ладошки, упиравшиеся в роскошную мужскую грудь, Валерия тихонько поерзала, и голую промежность защекотали жёсткие завитки. Мужчина рвано вздохнул и все же облапил ее бедра, прижимая к себе. Член дрогнул, вновь наливаясь и твердея.

Подол ночнушки мешал и топорщится. Не привыкла Валерия в одежде... Ну, может если бы это была мини-юбка или сексуальное белье... Недолго думая, она дернула за шнуровку под горлом, ослабляя узел, и, путаясь в косах и ворохе ткани, стащила с себя благочестивый ужас.

В глазах мужчины расцвёл голод. Жаркий и сокрушающий, он вспыхнул со скоростью атомного взрыва. И Валерию вдруг окатило с ног до головы ответным жаром. Боже, как же давно на нее не смотрели... так. Горячо, слепо, жадно. Облизывая и пожирая глазами каждый миллиметр обнаженной кожи и требуя ещё.

Схватившись за горячий и толстый ствол под судорожное «Лэрди!» она приподнялась, проводя скользкой от смазки головкой между нежных лепестков, и осторожно опустила бедра.

– М-м-м... – простонал сквозь закушенные от напряжения губы. Внизу было ещё сухо, но смазка помогла члену протиснуться внутрь. Большой, очень большой парень... А она маленькая лэрди, пальчики которой не могут взять в кольцо его толщину, и внутри все тесно до лёгкой боли. В ушах канонадой грохотала кровь, тело покрылось лёгкой испариной, и стон защекотал горло, когда она двинулась ещё ниже. Вслед за головкой вошёл крупный ствол. Дрожь острой волной хлынула вдоль позвоночника.

В ней смешалась боль от растянутых, не подготовленных к таким размерам мышц и напряжение искрящих нервов, но со следующим неловким движением внизу живота шевельнулся крохотный комочек тепла.

–О-о-о! – всхлипнула, широко распахивая глаза.

Как же это ... быстро! Никаких долгих прелюдий, подготовкой и особого настроения. Юное тело с готовностью откликнулось, и между ног стало приятно-влажно. По привычке скользнув рукой по груди, она мягко сжала упругую плоть, задевая ноготком розовую вершинку.

Мужчина под ней задышал шумно и глубоко. Совершенно темные глаза полыхнули, и губы приоткрылись, обнажая крепкие ровные зубы. Ох, если бы не эта борода... Но лэрд резко толкнулся вверх, насаживая ее на себя.

Медвежье рычание и женский вскрик разбились о каменные стены комнаты. Боль короткой вспышкой пронзила тело и тут же схлынула, оставляя ощущение приятной тесноты. И от первого скользкого движения мышцы внизу дрогнули и сжались крепче.

Кажется, она ощущала каждую венку и выпуклость его плоти. Плавно двигая бедрами, вбирала в себя все больше, чувствуя, как течет и растягивается лоно, подстраиваясь под большой размер. Блуждая взглядом по огромному мужскому телу, задыхалась от вида напряжённых рук с вздувшимися венами и дрожащего, расфокусированного взгляда медовых глаз.

Ещё один толчок вниз – и голые складки коснулись жёстких завитков. Такой большой и горячий – он был внутри, заполняя собой все до последнего миллиметра. Сладкий спазм скрутил низ живота.

– Лэрди, – прохрипел мужчина, стискивая ее бедра и плотнее насаживая на себя. А потом играючи толкнул вверх, вырывая обиженный и полный разочарования стон – без него там так пусто и жарко!

Дернувшись, она сама скользнула обратно по испачканному уже собственной смазкой члену. Застонав сквозь стиснутые зубы, лэрд подкинул ее бедрами, а потом с пошлым шлепком опустил на себя. Снова и снова.

Вскрикивая от наслаждения, она принимала и отпускала мужчину. Лаская собственную грудь, позволяла брать себя все жёстче и быстрее, шире разводила ноги и сама подмахивала

бедрами, выгибаясь и дрожа от поступавшего удовольствия. Оно было уже близко, уже вот-вот... О, как же давно она испытывала оргазм! Но то, что пузырьками шампанского вскипало в крови сейчас – оно и близко не было похоже на...

– А-а-а!

Стон разочарования обжёг горло, когда мужчина содрогнулся и глухо застонал, кончая глубоко внутри. Валерия извивалась и вскрикивала, пытаясь сделать хоть пару движений, но ее прижимали крепко, не давая достичь разрядки. Она же была почти! А он... он!

– Не знала, что лэрд так тороплив с женщиной, – зашипела, зло стискивая зубы. И, наверное, от переполняющих эмоций, царапнула его вспотевшую грудь, выдирая волоски и оставляя красные полосы.

– Поспешен?! – от медвежьего рева дрогнули стены. Мир перед глазами кувыркнулся, и Валерия запищала под тяжестью сильного тела, утыкаясь носом в ключицу и жадно втягивая крепкий мужской запах. И от глубокого, почти болезненного толчка перед глазами вспыхнули звёзды.

– Ещё, – застонала, запуская пальцы в густые русые космы. – Да!

Глава 9

Бьерн де Нотберг пребывал в ужасном расположении духа. Кресло щеголяло оторванным подлокотником, а вокруг царил бардак, который оставил за собой лэрд, кидаясь из угла в угол, как зверь в клетке.

А за ее прутьями в кружевной пене смятых одеял сладко спала причина его метаний и жгучей, выворачивавшей нутро злости...

Тяжёлая волна толкнула в пах, наполняя и оживляя едва опавшую плоть. Бьерн схватился за чашу, отчаянно жалея, что там не вино, а обычные травы. Лекарь Флинн – мастер своего дела и сведущий в болезнях куда больше, чем иные именитые врачеватели, настаивал, что крепкие напитки пагубно влияют на будущее дитя. Его научный труд осмеяли, а самого изгнали с позором – мужское семя способно быть негодным? Чуть! Виновата женщина, если ребенок рождается нездоров. Но Бьерн решил прислушаться к мнению знающего человека, его исследования выглядели убедительно, и вот теперь лэрд впервые жалел, что не может сделать несколько добрых глотков гротса.

А так хотелось! Воспоминания об обнаженной, раскрытой ему лэрди терзали уже который час. Он не мог от них избавиться! Бежать бы обратно. Ворваться в ее покои и взять снова, пользуясь своей законной властью, но его – лэрда де Нотберга – просто выставили вон!

– Идите же, благородный лэрд, – простонала томным голосом, потягиваясь точно сытая разнеженная кошка. – Признаю, с женщинами Вы не поспешны. А теперь дайте мне отдохнуть.

И, оглушенный тем, что только что произошло между ними, он ушел. На подгибающихся ногах и с томлением в чреслах. Семя было излито дважды – этого более чем достаточно, но голод плоти по-прежнему тлел в крови. Лэрди раскинулась на кровати, не потрудившись прикрыть наготу.

Осушив в несколько глотков чашу, Бьерн вскочил на ноги и подошёл к камину. Зачем-то сунул туда ещё полено, выругался и почти бегом кинулся к столу, заваленному документами и свитками.

Маленькая... лицемерка!

Она лгала ему! От первого и до последнего вздоха – определенно лгала. Не эту стонущую от наслаждения страстную женщину он брал в жены. Когда сам король вел Аллелию к алтарю, девица изволила упасть в обморок. А потом, выдавив тихое «да», разрыдаться, как будто она продала душу Властителю Тьмы. В свадебной карете жалась к противоположной дверце, глядя с таким отвращением...

Злая усмешка оскалом обезобразила губы. Да, он и близко не был похож на утонченных красавцев-аристократов, коих предпочитали девы и женщины при дворе. Чудовище даже для собственной матери, всегда выделялся среди детей ростом и силой. Она так хотела миленькую девочку, а получила... его. Родной отец отказывался признать сына, пеняя расстроенной лэрди де Нотберг на связь с горным великаном, или, на худой конец, с местным кузнецом. Не известно, чем бы это закончилось, но с возрастом Бьерн все больше походил на деда по отцовской линии. И даже вино, которое щедро заливал в себя папаша, не могло размыть сходства черт лица.

В конце концов разговоры об измене стали выглядеть просто нелепо. А когда Бьерн заручился сначала поддержкой, а потом и дружбой короля... о, тут родительские чувства разыграли горной рекой! И в глазах женщин появился блеск интереса, но за жеманными улыбками он по-прежнему видел истинные помыслы. Золото и шелк не могли сделать из зверя человека. Его окружали вниманием ради выгоды, но лести и показные выступления давно не тревожили сердце. Оно закалилось в боях, и обросло каменной чешуей, защищая от злых насмешек, и вот теперь вновь стучит быстро и тревожно!

Какова, а! Залезла на него, словно бордельная девка, а потом и пеньюар сбросила. Член занял, требуя опять изведать тесноту и влажность нежного лона. Маленькая лэрди вся текла от возбуждения и кончала по-настоящему – громко и сладко, выгибаясь и с радостью принимая его семя.

Бьерн потряс головой, злясь на себя и не в силах совместить два этих понятия: избалованная зажатая девчонка и удовольствие. Здесь таилась ложь. Наглый обман, который он на дух не переносит!

Наверное, ее разум до сих пор в горячке, и ему следовало пропустить благостные дни, но образ обнаженной, стройной фигуры перед зеркалом изводил сильнее болотного гнуса. Лез под череп, преследуя его во снах и наяву. И, может, он бы поехал в бордель, чтобы Миранна отработала свое годовое содержание, но дерзкий взгляд жены крючком тащил обратно, подстрекая разобраться – в чем же дело?

Тогда, у зеркала, Аллелия его не испугалась, как обычно. Смотрела с вызовом и такой твердостью, что он застыл на пороге, натолкнувшись на стену высокомерного холода, за которым проглядывало любопытство. Не отвела взгляда и не рухнула в обморок, а обнаженная стояла перед ним, гордо расправив плечи и вздернув подбородок. Изучала его, ничуть не стесняясь! И он впервые изучал тело своей навязанной жены.

И, прости Творец, но вид плавного изгиба бедер и упругих холмиков, увенчанных нежно-розовыми вершинками, бросил его в жар. Разжог в теле такой дикий голод, что голова пошла кругом, и воздух превратился в хмель.

А ведь он даже не видел ее тогда, в первую брачную ночь. Рубашка надёжно скрывала тело, да и ему хотелось скорее закончить и уйти, чтобы не чувствовать под собой безвольную девушку. Сонный отвар, конечно, помог, и жена не билась в истерике, но Бьерн чувствовал себя до дрожи мерзко, оставив жену, едва только простыня обзавелась пятном девственной крови.

А сегодня... Сегодня он был решительно настроен зачать ребенка, даже если придется заставить себя и ее, но вместо слезной мольбы услышал надсадные стоны и сбитое дыхание... И сам завелся как мальчишка. Она была такой... Невинной и порочной одновременно. Это свело с ума.

Отстукивая незамысловатый походный марш, мужчина нахмурился, с усилием заставляя себя думать о важном.

Купание, а после и горячка Аллелии стали для него полной неожиданностью. Пусть девчонку ждал монастырь, но ее смерть была излишней. Во-первых, ему все же нужен наследник, чтобы полученные земли до последней пяди отошли его роду по всем пунктам закона, и в будущем не было и малейшей попытки оспорить его права. Во-вторых, старый ублюдок Моублэйн, может, и лишён денег и положения, но устроит из-за смерти своей дочери такой балаган – благочестивых выноси.

Но Флинн лишь скорбно поджимал губы, каждый раз покидая покои заболевшей лэрди. Горячка набирала силу, и ничто не могло ее остановить. Бьерн заказал лучшие лекарства – бесполезно, но на пятый день – надо же! – лэрди встретила его нагишом у зеркала!

Признаться, тогда он списал ее поведение на последствия лихорадки. Флинн обещал наблюдать за лэрди, и опять сюрприз – она решила первым делом посетить библиотеку. Не купальню внизу, не сокровищницу, хотя туда ее бы все равно не пустил замок, а хранилище свитков и книг! И не для баловства сахарными до тошноты виршами менестрелей. Выбор лэрди был достоин умов мужчин, а потом стража видела Дорис, таскавшую своей госпоже все новые и новые свитки.

Решив лично убедиться в правдивости докладов, он все же вернулся разобраться, в чем дело. Так девчонка ему надерзила! Она чувствует слабость! Ну-ну. Настолько слаба, что скакала на нем, как на племенном жеребце.

Плоть совершенно отвердела, и Бьерн зашипел сквозь зубы, поправляя беспокойное достоинство.

Это было странно. И сейчас все тоже случилось не так, как он ждал. Бьерн запустил пальцы в волосы и слегка потянул, пытаясь нащупать ускользающую от него нить истины. Не могла это быть просто горячка... Нет, не могла...

А ведь завтра его ждёт ещё одна ночь. Желание, слепое и темное, ядом хлынуло в кровь, выжигая из лёгких воздух. Бьерн рванул ворот, и треск порванной ткани добавил в мед похоти острую крупицу злости.

Девушка явно имеет какие-то свои планы. Вокруг понятной, как пустой лист пергамента, лэрди вдруг появилось множество вопросов, и это раздражало до зубовного скрежета. Довольно с него других забот! И все же стоит задержаться в замке на неделю или полторы. Похоже, лэрди решила поиграть в актрису – то отвращение, которое он читал в ее глазах, невозможно изжить так просто. А возбуждение... Не заслуга ли это того, что намешал в кубок Флинн? Очень похоже... Что ж, он поговорит с лекарем, понаблюдает за женой, выведет ее на чистую воду, а после рождения наследника отправит туда, где от глупой, избалованной девушки будет больше прока.

Усевшись за стол, Бьерн выхватил свиток с расчетами по необходимым материалам. Ночь он проведет в делах, и это будет куда полезнее размышлений о том, что и так давно решено.

Глава 10

Было хорошо. Настолько, что даже ужасно-мягкий матрас не раздражал. Раскинувшись на кровати, Валерия блаженствовала, оттягивая момент полного пробуждения. Мышцы слегка ныли, но это была приятная боль. Она словно побывала в руках опытного массажиста. И между ног было так... Валерия чуть выдохнула, все-таки приоткрыв глаза.

Как давно она испытывала оргазм? Вспомнить без слез нельзя. А то, что было вчера... Внизу живота потеплело. Нашупав отброшенную подушку, Валерия с тихим стоном уткнулась в нее носом. Какой смысл врать себе же? Тело Аллелии было просто миниатюрным женским раем. Красивое, юное... отзывчивое. Удовольствие женщины – в голове, но чувственность никто не отменял. Валерия всегда считала, что с первым любовником ей повезло. Это был не секс по пьяни и далеко не от безысходности. Ее мужчина оказался опытным и ухаживал красиво. Любовь-морковь, букеты-конфеты. И, как закономерный итог – интим. Валерию в прямом смысле учили узнавать свое тело. Уже потом она поняла, насколько это было нелегко. И если бы не молодость и отсутствие мозгов в голове – остаться Роману первым и единственным. Но они разошлись, и мужем стал совсем другой...

Воспоминание о Николае легонько цапнуло за сердце и тут же забило обратно на задворки памяти. Все уже случилось, и сейчас ей было стыдно от понимания собственного спокойствия.

Как и крути, они с мужем давно жили добрыми соседями с общим, не слишком безоблачным прошлым. Уважение и отдельные комнаты – вот и все, что осталось от их чувств. И еще, конечно, мораль, за которую Валерия держалась до прошлой ночи. Но от нескольких жестких толчков ее правильность развалилась на куски и превратилась в пыль.

Сон окончательно пропал, и Валерия ловко прыгнула с кровати. По привычке вытянулась, разминая мышцы и прислушиваясь к себе. Как же хорошо! Нигде не крутит и не ноет. Но физическим состоянием все-таки заняться надо.

Накинув ужасный розовый халат, Валерия первым делом подошла к окну. А погода какая чудная! Разноцветные стеклышки ловили солнечные лучи и яркими пятнами отражались прямо в легко стучащем сердце.

«А потянешь? Новую жизнь-то?» – засмеялся в голове ехидный голос.

– Чего ж не потянуть? – улыбнулась Валерия, касаясь разноцветного витража. – Очень даже можно...

– Ох, госпожа, Вы встали уже...

Дорис, которая, собственно, и разбудила Валерию своим шуршанием, вернулась с полным подносом еды. О, и целых три куса пирога! Надо будет увидеть ту кудесницу, которая печет такую чудную сдобу.

Заметив интерес в ее взгляде, Дорис расслабилась. Худые плечи слегка опустились, а на тонких губах мелькнула тень улыбки.

– Бетси сегодня расстаралась. Хорошая женщина – диво Творца, а не руки...

Так-так. Кухарка, видимо, если не сочувствует, то расположена к юной лэрди. Или просто желает выслужиться. Надо взять на заметку.

– Вам бы еще раз посетить уборную, – перешла на осторожный шепот Дорис, – процедуру следует повторить...

Да, с контрацептивами тут плохо. В ее распоряжении имелись только травы, использовать которые местная религия запрещала, ибо сколько Творец дал, столько и рожай, и спринцевания все теми же отварами. Глубокой ночью Валерию разбудила Дорис и, причитая о распутном звере, оставившем жену нагой и замученной, попыталась применить подобие клизмы.

Пришлось соскребать себя с кровати и плестись в ванную. Последствия были пока нежелательны, а кончил лэрд Медведь дважды и все в нее.

Вяло отмахнувшись от попыток служанки помочь, Валерия быстренько справилась и, уже под обещания достать самого раннего и молодого сухопута, который, судя по всему, тут был панацеей от нежелательной беременности, Валерия напялила на себя уже нормальную рубашку и рухнула в сон.

– Повторим, – согласилась Валерия, и отщипнула кусочек свежеиспеченного пирога. Ну просто тает во рту!

Дорис как-то замешкалась, наградив ее удивленным взглядом, но промолчала.

Уже приступая к завтраку, Валерия решила не откладывать в долгий ящик и сразу расставить все точки над *i*.

– Дорис, мы тут уже... – сделала задумчивый вид, поглаживая светло-серые оборки на руках.

– Третий месяц, госпожа, – тут же сдала Дорис.

– Да? Ну что ж... А кто заведует, м-м-м, состоянием лэрда де Нотберга?

Служанка совсем растерялась.

– Вам казначей нужен? А! Все же решили развеяться! И то верно, говорят, в Диплоге отличные портные. Ваш гардероб давно нуждается в обновлении.

О да, гардероб Аллелии точно пора избавить от кучи ненужных платьев – около двадцати штук висит в шкафу и из них приятного цвета едва ли четверть. Но пока выезжать на прогулки ей рано. Хотя бы тут осмотреться для начала.

– Обязательно, но позже. Давай-ка прогуляемся – погода как раз солнечная.

Вырваться за дверь собственной комнаты Валерия смогла лишь полтора часа спустя или около того – в комнате часов не было. Зато была Дорис и длинные косы. Валерия ерзала на пуфике, пока служанка с любовью соорудила на ее голове очередной шедевр – на этот раз нечто вроде греческой прически, которую поддерживали мелкие косички и серебряные гребни с жемчугом.

– Ах, вылитая матушка, видит Творец, – вздыхала Дорис, – а платье бы хорошо сегодня надеть светленькое, с серым рюшем. Помните, перед праздником Долгой Метели портниха вам шила?

Валерия делала умное лицо и втайне мечтала подстричься. Но с модой тут было тоже очень строго. Признаком мужчины была растительность на лице – борода или хотя бы усы, а женщины не обрезали волосы. И чем знатнее леди, тем больше ценится длинна. Только монахини ходили с короткой стрижкой в знак отречения от мирского.

Платье, которое выбрала Дорис, оказалось довольно милым. Валерия даже начала немного привыкать к длинным юбкам, но вот панталоны до сих пор вызывали вздох сожаления. Сюда бы нормальное белье...

– Госпожа, – первой им попалась вездесущая Мари. И опять с корзиной белья. Валерия кивнула, внимательнее разглядывая девушку. Симпатичная... Курносенькая и темненькая. Внутри шевельнулась гадкая мыслишка – благородный аристократ и бедная девушка. Валерия чуть не споткнулась. Бред... А даже если и да – то ей какое дело? Но солнечные пятна на стенах уже не казались такими яркими.

Пока она копалась в себе, коридор закончился широкой лестницей, что спускалась в большую гостиную. Длинный стол, множество стульев с высокими спинками – наверное, тут проходят пиры или дружеские гулянки. Простора, конечно много, но уюта – круглый ноль. Да и прибрать нормально не мешало бы... Канделябр весь в свечных огарках, а стены беспорядочно

украшены охотничьими трофеями и оружием. Ещё одна служанка исчезла быстрее, чем Валерия успела ее разглядеть, но скрипучее «госпожа» и шаркающая походка выдали ее возраст.

– Идём туда, – кивнула Валерия на арку, украшенную орнаментом из мелких светлых камней.

– Зачем Вам в купальню? – удивилась Дорис. – Да и чистят ее, должно быть.

Так, значит, тут есть и средневековый бассейн. Очень интересно.

– Тогда выйдем на свежий воздух, – решила Валерия.

Дорис недовольно вздохнула, но спорить не стала. Крики и звон мечей Валерия услышала раньше, чем они вышли на крепостную стену. А когда она глянула вниз, на небольшой внутренний дворик...

Все это больше походило на танец. Быстрый и смертельно опасный. Окружённый тремя стражниками лэрд двигался настолько легко и грациозно, что это казалось сверхъестественным для человека его роста и размеров. Она едва замечала отточенные до автоматизма движения. Удар – один из стражи попятился, разворот, уход в бок, блок и тут же ответ – второй выронил тренировочный меч. А она ощутила озноб, плотнее кутаясь в теплый плащик. Неуклюжесть и лэрд Медведь были антонимами. А от наблюдения за идеальной гармонией силы и ловкости пальцы нервно комкали мягкий мех, и дыхание застревало в лёгких. Господи, как же ей вчера... повезло. Он ведь ее не то что одной левой, двумя пальцами скрутить мог. Порвать на тряпки, оставив стонать от боли, а вместо этого на спину улёгся...

Третий стражник упал, подбитый точным ударом в бедро, и так же резко лэрд развернулся в ее сторону. Ноги вросли в каменные плиты. И ощущение горячих шершавых ладоней вспыхнуло на бедрах, растекаясь теплом и новой дрожью. Мужчина стоял перед ней все в той же синей рубахе, облепившей вспотевшие плечи и грудь. Большой и неподвижный, смотрел прямо на нее, обездвиживая твердым, как сталь, взглядом.

Рот наполнился слюной, и в животе проснулось томление. Порыв ветра толкнул в бок, и Валерия не выдержала, опуская глаза. И щекам было тепло не то от воздушных ударов, не то от мыслей, что сегодня их ждёт ещё одна ночь. И теперь страх перед ней полностью уступил место предвкушению. И это тоже было странно. Он ведь даже почти не ласкал, а просто трахнул. Но полученное удовольствие...

– Пойдем, Дорис, – откашлялась, пытаясь вернуть себе стекшие вниз мозги. – Я уже... к-хм, надышалась.

Ушла. Только что стояла в короне золотых волос и вот на крепостной стене опять пусто. Бьёрн отвернулся, с неудовольствием разглядывая подбиравших оружие воинов.

– Еще.

Гарри – ветеран замка де Нотберг – поморщился, делая пробный взмах.

– А утром мне снился мясной пирог Бетси, не в руку сон.

И безобидная шутка давнего приятеля разозлила крепче отборной брани. В глазах мужчины мелькнуло непонимание, и в следующий миг он едва отразил выпад, неловко отскакивая в сторону. Новый бой набирал обороты. Уже который час Бьёрн гонял себя и стражников по тренировочной площадке. Широким шагом, злой и растерянный, вышел сюда на заре сразу после разговора с Флинном, схваткой пытаясь привести в порядок вновь расшалившиеся мысли. Его предположения оказались пустышкой! Отвар был без каких либо примесей, способных дать эффект возбуждения.

– Только травы и несколько капель сонной настойки, лэрд. Ваша жена должна была стать спокойной и покладистой, но никак не наоборот.

Он верил Флинну. Когда подавленный провалом своего детища лекарь пришел к нему, смиренно умоляя взять хотя бы походным врачом, Бьёрн даже не раздумывал, за что и был награжден чистой совестью, словно горный родник, преданностью. А когда сам король обратил внимание на умения мужчины, и общество вдруг очнулось, как хамелеон, меняя ненависть на приязнь, Флинн отверг все предложения покинуть своего господина, продолжая служить верой и правдой. Злость от невозможности найти ответ бурлила в крови. Он перебирал все возможные версии, но ни одна не казалась ему достаточно правдивой. Разве что лэрди приняла возбуждающее средство сама, но он видел работниц борделей в подобном состоянии – нет, девица выглядела вменяемо. Не желала впихнуть в себя что угодно – член или ножку стула, да и в начале была сухой и встревоженной. И всё-таки... Взмах – меч Гарри летит в сторону, удар – Ник задохнулся, сгибаясь в три погибели, подсечка – Слав на земле.

– С мясными пирогами Бетси воевать легче? Или вам надоело получать достойное жалование?

Мужчины прятали глаза. Последний солдат знал, что порой с их командиром лучше держать язык за зубами. Бьёрн ещё раз взглянул на крепостную стену, и тут же нахмурился, прибавляя к списку вопросов ещё один. За все время, что юная лэрди находилась здесь, она покидала свою комнату лишь для совместного принятия пищи. Приходила в малую гостиную с глазами подбитой лани и весь обед умирала над тарелкой супа. После парочки таких трапез Бьёрн плюнул на приличия и велел приносить пищу ей в комнату.

Пальцы стиснули меч, как будто им можно было защититься от вспыхнувшего желания проверить свои догадки.

– Приготовить малую гостиную, – бросил пробегавшей мимо Мари. Сегодня юная лэрди де Нотберг будет ужинать как полагается – со своим мужем.

Глава 11

«Козел»

Валерия слегка улыбнулась сидевшему напротив лэрду и снова оглядела столовые приборы.

«Сволочь»

Ложка была одна, а вот вилок три. Валерия уверенно взяла среднюю и подцепила кусочек рыбы.

«Обломитесь, ваше Медвежество, книга по этикету в библиотеке тоже была», – Валерия ещё раз оценила лохматость мужчины и отправила белоснежное филе в рот.

За плотненский томик в бархатной темно-бордовой обложке она схватилась сразу после того, как Дорис подала ей ужин в виде мясной запеканки, верх которой, оказывается, съедлся маленькой ложечкой, по ошибке принятой за десертную.

Но если служанка была простовата и почти сразу забыла о ее промахе, то лэрд Медведь смотрел очень внимательно.

«Это ж-ж-ж неспроста...»

Рыба растаяла на языке. Какое приятное пряное послевкусие! Надо обязательно познакомиться с Бетси, до кухни они с Дорис так и не добрались. После представления, которое она увидела стоя на крепостной стене, Валерия, как школьница, сбежала в свою комнату и потом ещё час пыталась сосредоточиться на переплетениях родословной де Моублэйнов.

Только и осело в памяти, что имена ближайших родственников.

– Как Вам рыба?

Вилка промазала мимо филе и с неприятным скрежетом проехала по тарелке. Голос лэрда все ещё вызывал дрожь.

– Очень вкусно, благодарю.

– Неужели? – взяв вилку, де Нотберг и сам подцепил кусочек, а Валерия схватилась за кубок с ягодным отваром. Столовый прибор в огромной лапище казался таким крохотным... А ещё очень нервировал этот хитрый прищур. – Действительно – вкусно. Вот только с каких пор Вы любите рыбу?

«Однозначно сволочь. Умная и большая сволочь»

– Почему Вы решили, что я ее не любила? – Валерия слегка приподняла брови. Если верить отражению, сейчас она сама невинность.

Густая борода и усы мешали в оценке мимики, но вроде бы лэрд слегка поджал губы.

– В прошлый раз Вас чуть не стошнило.

– Не всегда привычные блюда вызывают в нас аппетит, – пожала плечами, демонстративно отправляя в рот новую порцию.

– С мужчинами, очевидно, работает тот же принцип?

Разговор сворачивал совершенно не в ту степь. Но путей отступления не было. Вечно поддерживать образ избалованной юной лэрди? Валерия крепче ухватила за вилку. Не дождётесь. Она намерена выжить, и постоянное притворство или прозябание в молитвах не входит в это понятие.

– Как знать, лэрд де Нотберг. Порой, когда думаешь, что все кончено, переосмысливаешь свою жизнь и взгляды на некоторые вещи.

– Надо же... – послышался звук отодвигаемого стула, и мужчина поднялся из-за стола, – какие умные мысли посетили Вашу голову, лэрди.

Валерия упёрлась взглядом в растерзанное филе. Де Нотберг шел к ней. Бесшумно и лениво, как хищник к обездвиженной жертве. Спина совершенно одеревенела, и только поэтому она не подпрыгнула, когда мужская ладонь упала на плечо мягкой тяжестью.

– И могу сказать, я не раз наблюдал возвращение из могилы... – пальцы слегка сжались, лишая возможности дышать, – ... но никогда не замечал, чтобы свою жизнь и взгляды, как Вы выразились, пересматривали настолько... тщательно.

– Вы видели многое, но не все, – зашипела сквозь зубы. Стальной капкан на плече давил, угрожая пронзительной болью. Хотелось отшатнуться прочь, а лучше бы впиться зубами в шрам поверх большого пальца, но Валерия даже не дернулась.

– Не все, – согласился лэрд, – но знайте, что я внимательно понаблюдаю за этим необычным явлением.

Как ей удалось наскрести сил, чтобы задрать голову – Валерия не знала. А уж чего стоило заглянуть в потемневшие глаза... До боли стиснув вилку, она заставила себя смотреть твердо.

– Как угодно, лэрд, – швырнула в бородастую физиономию. Мужчина прищурился.

– И это тоже верно, – хватка чуть ослабла. – Сегодня вечером ждите меня в своей спальне. Без одежды.

Только одна фраза, а лицо горит, и перед глазами вереницей образов вся прошлая ночь. И как опускалась на него, такого большого, осторожно и медленно, и как потом двигалась, скользила по всей длине под собственные пошлые стоны и вздохи, а потом выгибалась под тяжестью крупного тела, жадно вдыхая крепкий запах мужчины, и дуря от глубоких долгих толчков. На кровати осталось пятно. А его сперма текла по бёдрам, и ее не хотелось вытирать...

Воздух между ними вибрировал от напряжения. Мужские пальцы больше не сжимали плечо – теперь в их плену был подбородок. И Валерия могла поклясться, что видит в его расширенных зрачках отражение собственных воспоминаний. Мед светло-карих глаз загустел, вязкой патокой просачиваясь в кровь. Сегодня она опять почувствует крепкие руки на своей талии. И увидит, как наслаждение изменяет и заостряет грубые черты. Вот только эта борода...

– Мой лэрд!

Охрипший и встревоженный голос прошелся между ними острым клином и отшвырнул друг от друга. Чуть не упав со стула, Валерия отшатнулась в сторону. Вилка со звоном стукнулась о каменные плиты. Дрожащими пальцами ухватившись за кончик косы, она оглянулась. В проходе стоял мужчина. Худой и бледный, он едва держался на ногах.

– Патрик?! – сотряс воздух медвежий рык, но гость даже не вздрогнул.

– Мой лэрд, на стройке беда, – воскликнул, комкая в руках темный блин шляпы, – дом рабочих подожгли!

Дамское седло было непривычным и неудобным. Гораздо хуже, чем обычное, в котором она несколько раз пробовала ездить на различных конных прогулках. Валерия чуть поправилась, и вновь оглянулась по сторонам. Впереди маячили спины закованных в кольчуги стражников. Сразу трое мужчин сопровождали груз для пострадавших в пожаре. Полная телега была собрана за каких-нибудь час – полтора.

– Теплых одеял и еды! Найти Флинна!

Замок содрогнулся от мужского окрика, и все вокруг пришло в движение. Слуги действовали четко и слаженно, как будто подобное случалось минимум дважды в неделю. Валерия сначала растерялась, не вполне понимая, как поступить ей, и, возможно, предпочла бы исчезнуть, чтоб не мешать, но раздраженный рык:

– Идите к себе, лэрды, и не путайтесь под ногами, – определил ее последующие действия.

Едва только мужчины бегом кинулись в сторону выхода, она понеслась искать Дорис.

– Я еду с ними! – Служанка побледнела и открыла рот, но Валерия резко отсекла. – Не начинай, Дорис. Лучше скажи – чем я могу помочь?

Да – было неприятно, что именно несчастный случай придется использовать для самопиара, но с другой стороны – на войне все средства хороши. Кажется, ее порыв в очередной раз выбил Дорис из колеи.

– Ну... распорядиться о помощи семьям пострадавших, – растерянно ответила женщина, – но для этого требуется разрешение лэрда...

Который уже наверняка ускакал вслед за гонцом. Что ж, значит у нее будет предлог сопроводить гумконвой. И вот теперь она тряслась на Звездочке, тонконогой караковой кобыле, которая, если Валерия поняла верно, была одним из подарков на свадьбу.

– Скоро прибудем, лэрди, – поравнялся с ней один из стражников – седоусый и голубоглазый Гарри, – Вы уверены, что не хотите повернуть назад?

– Уверена.

И ей не нужно было поворачивать голову, чтобы заметить его удивление и растерянность. Еще бы – изнеженная лэрди уже второй час отбивает задницу в седле и кормит гнус. Лес вокруг кишел голодными весенними комарами, и если тело спасало плотное светло-серое платье, перчатки и плащик на меху, то лицо приходилось обмахивать, чтобы не заявиться к лэрду в красную крапинку.

Около получаса они тащились по извилистой дороге. Дорис ехала в телеге вместе с Флинном. Недовольное шипение служанки Валерия слышала даже сквозь чавканье подмякшей земли и скрип колес. Но вот в дыхание лошадей и шум деревьев вклинились дробные удары и глухие крики.

Еще несколько поворотов – и они выехали на крутой холм. Валерия мысленно присвистнула, разглядывая открывшуюся картину. А лэрд Медведь к делу-то обстоятельно подошел. Хозяйственно... Плотной вымощенной камнями, дорога широкой лентой делила лес, исчезая среди толстых стволов елей и сосен. Все вокруг добротно и опрятно – даже кучи земли лежали по линейке. И сразу на ум пришел неуютный замок. Какой контраст! Своей берлогой лэрд Медведь так не занимался.

Ветер пахнул в лицо, принося запах гари. Внизу суетились люди.

– Бараки в той стороне, – кивнул направо стражник, – спускаемся.

Первый же попавшийся работяга сообщил, что господин на пожарище. Лицо мужчины было бледным, но фамилию де Нотберга он произносил с таким уважением, что даже завистно стало. И немного обидно.

Валерия чуть нахмурилась, делая вид, что разглядывает окрестности. Никто не говорил, что будет просто, но репутацию она себе создаст не хуже. Народная поддержка – она... хм-м-м...

О чем Валерия думала секунду назад – стало неважным.

Мощная фигура бросилась в глаза сразу, хотя до обгоревшего остова здания было еще порядком. И с каждым шагом пальцы сильнее сжимали поводья. Лэрд не просто был на пожарище – он работал наравне со всеми. Таскал обломки, заменяя собой сразу нескольких работников. Она видела, как легко он поднимал обгоревшие бревна, отшвыривая их, словно это обычные сухие палки. Это даже не человеческая – какая-то совершенно животная сила... Медвежья... Словно почувствовав ее взгляд, мужчина обернулся и застыл.

В горле сделалось сухо. Так, Аллелия, подбери челюсть и прекрати пялиться на эти чертовы крепкие предплечья... Она вздрогнула, приходя в себя. Валерия. Она – ...

– Лэрди Аллелия де Нотберг, – прорычал Медведь, – какого демона Вы здесь забыли?!

А вот теперь стало по-настоящему обидно. Но огрызаться не время – на них смотрело, по меньшей мере, две дюжины глаз.

– Всего лишь оказываю посильную помощь, лэрд Бьерн... – Глаза мужчины потемнели. Валерия слегка улынулась и закончил: – ...де Нотберг. А так же хочу просить за семьи пострадавших.

Шум леса и стройки не смогли скрыть тихий шепоток зрителей и глухой медвежий рык.
– Какое рвение. Слезьте с лошади для начала, тогда и поговорим.

Вот тут она растерялась. Забраться в седло ей помогли, но сейчас никто не торопился подать руку.

– Нуждаетесь в поддержке?

Медвежий гад ухмыльнулся и скрестил огромные ручки, нарочно показывая темные пятна сажи на ладонях и предплечьях. Опять вызов. Вернув ответный оскал, Валерия царственно кивнула.

– Вы проницательны, лэрд. Прошу Вас.

Он не поверил ей. Валерия ощущала это тем самым шестым чувством и отбитым в дороге седалищем. Опять мучал тяжелым взглядом, и все вокруг замерло, и даже птицы, кажется, притихли. Надо было что-то делать. Прямо сейчас.

Разжав стиснутые до судорог пальцы, Валерия отпустила поводья и протянула руки к своему... медведю. И он подхватил ее. Стиснул за талию, выжимая из легких судорожный вздох, и рванул к себе.

Охнув, Валерия вцепилась в каменные плечи. Платье смялось, пачкаясь о грязную одежду, и мужчина фактически вытер ею себя. Возмутиться бы, но ее бросило в жар. А от скользнувших по талии ладоней ослабли ноги.

– Вы так любезны, – выдавила из себя. – Теперь мы можем побеседовать насчет моей просьбы?

– Идемте, – сдавленно прорычал лэрд, хватая ее за плечо.

Все очарование рассыпалось в прах. Стараясь не кривиться от боли, она семенила следом за широко шагавшим мужчиной. В спину неслись встревоженные крики Дорис и, кажется, голос Флинна. Отконвоировав ее сквозь собравшихся, Медведь почти швырнул Валерию на кучу веток и стружек.

– Ты, маленькая ...

– Если хотите сделать мне больно, лэрд, не разменивайтесь на мелочи, а просто ударьте!

Перебивать мужчину считалось неуважением, но сейчас Валерии было глубоко плевать. Потирая онемевшее от грубой хватки плечо, она морщилась и кусала губы. А к горлу слезы острым комом – за что? Ну приехала – да, ну попросила... Козлина высокогородная. Пытаясь не разревется, она опустила голову. Чертово неуравновешенное тело! А ведь она никогда плаксивой не была... Медведь весь подобрался.

– Что Вы хотели, лэрди? – прогудел уже тише.

Вдох-выдох, вдох-выдох. А в груди все равно жарко и больно. Как будто ей привыкать к таким вот «мужским» выкидонам. Николай тоже за руку пару раз хватал, когда от злости мозги коротило. Правда, она ему потом скандал устроила. Даже с пощёчиной, и в ответ получила. Тогда они первый раз чуть не развелись... Озноб зашевелил крохотные волосики на шее. Если Медведь ее ударит – копчик к затылку приклеится. И страх холодным ядом заструился по венам. Разводов тут нет – религия и суд на стороне мужчин.

– Вы уехали слишком быстро, лэрд... – «А голос-то дрожит, позорище мелкое... А ну, голову выше и сопли подобрать!» – Я хочу... Нет, я настаиваю на помощи не только пострадавшим, но и семьям, оставшимся без кормильцев.

– Никто не погиб.

Хорошая новость. Даже как-то легче стало, и реветь перехотелось.

– Но с переломами или ожогами человек – плохой работник.

– Верно. И что же Вы надумали? Дать денег?

Валерия открыла рот, но тут же поджала губы. Денег... Можно, конечно, но что если они пойдут совсем на другое? Или вообще будут отняты?

– Еду и лекарства... Одежду? – замялась под пристальным взглядом. – Я не очень разбираюсь... в этом.

Наказание какое-то. Никогда Валерия перед начальством или власть имущими не мямлила и не робела. Может, в юности только, совсем чуть-чуть. А тут так и хочется заискивающе ножкой шаркнуть, признавая силу другого. Подчинится, испытывая не унижение, а щенячий восторг. Остатки чужих привычек и характера врезались в ее собственный, исподволь меняя поведение. И бороться с этим нет сил.

Мужчина крепко потер подбородок, пачкая бороду и щеку.

– Запасы Витрера не покроют нужды всех семей, – лэрд говорил о своем замке.

– Тогда часть можно купить в... в Диплоге! – вспомнила название ближайшего более или менее крупного поселения.

– У меня нет времени.

– А мою кандидатуру лэрд решил не рассматривать? – она тоже скрестила руки, почти копируя мужчину. Смешно. Ведь приходилось заирать голову, чтобы просто посмотреть в его глаза.

Он молчал долго. А ее запала хватило всего на десяток судорожных ударов сердца. А потом опять захотелось уставиться себе под ноги.

– Что ж... Поговорите с Маркусом. Он выделит вам необходимую сумму. Купленное доставить сюда, я сам займусь его распределением.

Ещё раз смерив ее тяжёлым взглядом, лэрд Медведь развернулся и пошел обратно.

Глава 12

Маркус ей выделит средства. Ха-ха! Да этот лысый еврей и снега зимой не даст!

– Мой господин – лэрд де Нотберг, – гнусавил мужчина, разглядывая ее своими хищными темными глазками, – и я не получал от него иных распоряжений, кроме как выдавать Вам ежемесячное содержание.

Паук. Натуральный паук в тесной каменной келье, свивший паутину над кованым сундуком. Прищурившись, она еще раз попыталась приструнить мужчину взглядом, но, не добившись толка, задумалась. Топать ногами бесполезно – свидетелей разговора с Его Медвежеством нет, расписки – тоже, как и прав на распоряжения финансами мужа.

Все, что может жена – командовать слугами, и то, если данные действия не несут вред имуществу мужчины. Как тут ошейники и кандалы еще в обиход не ввели? Валерия выдохнула через нос. Спокойствие. Только спокойствие. Отключить эмоции, включить мозги.

– Тогда выдайте мне ежемесячное содержание, – спокойно встретила недовольный взгляд казначея.

Мужчина что-то фырчал, но на столешницу брякнулся кожаный мешочек. Не густо.

– И за прошедшее время тоже.

Валерия мстительно улыбнулась, наблюдая за тихим приступом жадности. Маркус побледнел, взмок и готов был испепелить ее взглядом.

– Если лэрди не соизволила забрать причитающееся вовремя – содержание списывается в счет мужа!

– Лэрди сейчас соизволит устроить истерику, – пригрозила она, – а потом лично пожалуется лэрду Ме... де Нотбергу на одного жадного и мелочного казначея! Какой позор – обобщать беззащитную женщину! Что скажет мой муж! Как возмутится общество!

Еще два мешочка быстро легли рядышком. Дорис с видом победительницы цапнула добычу и вопросительно посмотрела на Валерию. Может, получится вытрясти еще? Пришлось покачать головой и направиться к выходу.

– Надо было потребовать за платье, – бормотала служанка, семена следом, – ужасные пятна! Оскорбительно, грубо! Ах, моя госпожа! Это было нарочно...

Разумеется, нарочно! И, скорее всего, от нее ждали истерики, но чувствуя стальную хватку на талии, она думать не думала об испорченном наряде. Какой он все-таки сильный... настоящий медведь... И руки эти – большие, но такие красивые. Пропорциональные и гармоничные, с выпуклыми дорожками вен, оплетающих тугие мышцы.

Чуть не врезавшись носом в дверь, Валерия прошмыгнула в комнату. Дорис любовно разложила на столике их финансы. Развязала горловины и прицокнула.

– Старый сквалыга, прости Творец! Всего на два платья!

– На помощь для девяти семей.

Служанка схватилась за сердце.

– Но... но... но, моя госпожа! Как же! Платье испорчено и Вам... Вам гребни новые нужны! А тут мало! Клянусь Творцом – мало! Всего сотня серебром!

Валерия прошлась по комнате. Заглянула в узкое окошко, кругом обошла причитавшую служанку и опять вернулась к окну. Вообще-то местных цен она не знала. Лучше взять с запасом... Взгляд упал на большую резную шкатулку. Там хранились заколки и немного украшений вроде браслетов, брошек и длинных нитей жемчуга.

А вот и дополнительные средства...

– Сдадим несколько украшений!

Потрясенная до глубины души, Дорис осела в хозяйское кресло.

Вопреки ее представлениям Диплог оказался милым ухоженным городком. Мощные улочки, дома под черепичной крышей, не загаженная отходами жизнедеятельности речка и, по крайней мере, видимое отсутствие нищеты.

Теперь понятно, почему рабочий на стройке произносил имя своего господина с таким обожанием. Если рассматривать лэрда Медведя в качестве хозяина – вопросов нет, его людям повезло.

Вспыхнувшее чувство уважения смутило, не хватало и ей видеть над лохматой головой нимб. Но хозяйственный же... И на стройке порядок, и с рабочими наравне в саже пачкался. Наверняка к постройке дороги тоже свою лапу приложил, на таких широченных плечах только мешки с песком таскать. По несколько штук за раз...

Валерия чуть не застонала от мелькнувшей перед глазами картины. Образ мощного тела выткался в памяти вплоть до последнего завитка волос на широкой груди и будоражил молодую кровь. Все-таки фигура у лэрда Медведя была м-м-м...

Пришлось куснуть себя за щеку, отгоняя пошлые мысли. На всякий случай вспомнила и хмурую бородатую физиономию, и синяки на плече от грубой хватки мужских пальцев. Дорис даже расплакалась, увидев багровые отметины, и Валерия довольно долго успокаивала впечатлительную женщину.

Прохожие кланялись, заметив темную коляску с красно-золотым гербом щита и трех мечей. К всеобщему удивлению Валерия уже привыкла и поэтому внимательно осматривала дома на предмет нужных ей магазинов.

– Вот тут!

Вывеска с обрезком ткани и иголкой везде имеет одинаковое значение. Продавец заметно побледнел, увидев, кто решил посетить лавку, но к его чести обслужил качественно и быстро. Девять скрутков плотной шерсти, а так же льна и хлопка были связаны бечевкой и отправлены на задний дворик, откуда их переправят прямым путем к лэрду.

Распрошавшись с польщенным и довольным сделкой продавцом, Валерия решила найти лавку, где торговали мясом. И продавец там оказался куда бойче и любопытнее.

– Девять вяленых окороков, несравненная лэрди. Именно таких, как любит наш господин. Для него ведь стараетесь?

На круглом лице мясника мелькнуло хитрое выражение. Мужчине было любопытно, а ей нужны слухи.

– Обязательно запомню, что предпочитает мой... муж, – Валерия еда заметно улыбнулась, но тут же печально вздохнула, – но сейчас ваши чудесные изделия пойдут на благое дело. Для семей, чьи кормильцы пострадали во время пожара.

– Ах, такая трагедия, ужасно! – запричитал мясник не хуже Дорис. – Мой двоюродный племянник сейчас работает там. Творец миловал – обошлось... И все же так чудно, что и семьи получают поддержку! Сама лэрди пришла в мою лавку!

Да, но перед этим всю дорогу выслушивала наставления, что ей не стоило спускать свои благородные ножки с пьедестала и топтать ими пол в домах черни. Хотя это было и не запрещено, как неохотно признала Дорис.

Расставшись с мясником, который наверняка в ближайшее время обежит весь Диплог с новыми сплетнями, Валерия заглянула и в лавку аптекаря, и к кожевнику.

Деньги улетали быстро, и чудесный браслет из серебра все же пришлось оставить у менялы. Заодно с новым поводом для сплетен. Юная лэрди жертвует свои украшения! Городок будет гудеть.

В конце концов, купив все что нужно, Валерия решила потратиться и на себя. Слишком уж несчастный был вид у Дорис, которая так и заявила – у ее госпожи опять горячка, и разум покинул голову.

– А там что? Гребни и заколки? – спросила, заметив в конце улицы вывеску с лентой. Дорис густо покраснела.

– Ах... нет-нет! Но Вам туда никак нельзя! Этот магазин шьёт для девушек из... из срамного дома госпожи Грэй, – смущённо закончила служанка.

– Притормози, Гарри, – попросила Валерия стражника, вызвавшегося побыть их кучером, – только для них шьёт?

– Ну-у-у... нет. Портниха возьмет любой заказ, но то белье не подходит благородной лэрди!

Да какая разница! Боже, хоть бы там продавались нормальные трусы, а не кружевные парашюты до колен! Валерия оглянулась. На улице было малоллюдно. Хотя продавщица ее наверняка сдаст. Ну и ладно. К тому же это может помочь очаровать господина Медведя и совместить приятное с полезным. Если удастся подцепить на крючок лохматого буку, о монастыре можно забыть.

– Заглянем.

Нужно будет запастись успокаивающими травами для Дорис. Стеная в полголоса, служанка все-таки отправилась за ней. Валерии казалось, что ее зелёное платье стало вдруг кроваво-алого цвета и привлекает внимание даже птиц. Но, приняв самый независимый вид, она уверенно шла к лавке.

Ее появление было встречено традиционным удивлением. Вполне приличная с виду немолодая женщина вышла из глубин дома и, увидев, кто заглянул к ней, не сдержала удивлённое:

– Лэрди де Нотберг?!

Ну да, наверное, такими косищами мало кто может похвастать. К вечеру даже затылок немного болел от тяжести золотых локонов. Приходилось долго массировать пальцами и каждый раз просить Дорис не затягивать косы слишком туго.

– Верно. А Вы...

– Ох, простите! Беатрис Кеннет к Вашим услугам, – чинно сложив руки на белоснежном переднике, женщина низко поклонилась. «Обошлась без книксена, – мелькнуло в голове – значит, не простолюдинка, но титул опустила – мелкая знать или бастард».

– Весьма приятно, – кивнула Валерия, – могу ли я взглянуть на Ваши товары?

За спиной что-то пискнула Дорис, но хозяйка лавки даже бровью не повела. Красивое лицо женщины осталось безмятежно.

– Разумеется. Что именно Вас интересует?

Все! Ее интересовало абсолютно все! Привычных лифчиков тут не было. Большая грудь поддерживалась легкими корсетами и повязками, в гардеробе Аллелии тоже имелось несколько широких лент, но для высокой и задорной двоечки они были бесполезны – поднимать нечего, и так все идеально. Но как же хотелось почувствовать на себе красивое белье. Это было маленькой слабостью Валерии – верхнюю одежду можно и на распродаже прикупить, а вот комплект – обязательно фирменный.

Верно истолковав ее жадный взгляд, Беатрис очаровательно улыбнулась и кивнула на резную ширму.

– Прошу, лэрди. Сейчас у меня мало готовых изделий, но можно снять мерки. Как относитесь к шнуровке и декольте? Какие цвета предпочитаете? В моду входит пудровый и цвет лесной фиалки. Оба отлично подойдут...

За ширмой оказалось зеркало в полный рост и мягкий пуфик, и, пока Валерия осматривалась, Беатрис быстро принесла первую вещь.

– О, Творец! – от восхищения она даже упомянула местное божество. Это было роскошно! Белоснежный пеньюар струился в руках женщины нежными складками. Лиф оторочен кружевом, а под грудью проходила голубая лента. Ничего вызывающего, разве что декольте имелось, но Валерия видела, как едва заметно просвечивают сквозь ткань руки Беатрис, и уже заранее представляла соблазнительный вид упругой девичьей груди в столь интригующем наряде.

– Как раз под ваш рост и комплекцию. Можете примерить, но я ручаюсь.

– Беру! – это даже не обсуждалось. И пусть ей придется снять с головы последнюю жемчужную заколку.

Второй пеньюар отличался от первого наличием шнуровки на спине и отсутствием рукавов. «Хочу, хочу, хочу!» Но узнав цену, пришлось закатать губу – тут не только заколки, почку придется оставить. Какой-то там шелк. По словам Беатрис, настолько приятен коже, что разогреет даже монахиню. И опять умная женщина без слов поняла жалобный взгляд Валерии.

– Свадебный подарок для лэрди, – улыбка была полна дружелюбия.

– Ваша щедрость удивительна, Беатрис, но нет. Заверните первую вещь и снимите мерки. А я заберу, как будет готово.

Вот тут на Валерию посмотрели с явным уважением.

– Как пожелаете, лэрди. Минутку, я отложу товар, и сразу займемся мерками...

Подхватив пеньюары, женщина вышла. Но присесть на пуф Валерия не успела. Входная дверь хлопнула.

– Беатри-и-ис! – наполнил помещение грудной голос. – Где тебя демоны носят! Мне нужно новое белье! Сейчас же! Лэрд наверняка посетит меня со дня на день.

Кровь бросилась в голову. Лэрд... На сотню миль тут имелся только один такой – ее муж! Перед глазами замелькали разноцветные мушки.

– И давай, пошевеливайся – неси все, что есть. Ты же знаешь – мой Бьерн бывает таким диким... Эй, старуха! Пошла вон! Беатрис! С каких пор ты берешься шить саваны?

Это было последней каплей. Ярость огненным сгустком взорвалась под сердцем, и Валерию просто вышвырнуло из-за ширмы.

Бледная Дорис прижимала к губам платок, Беатрис потеряла свою маску невозмутимости, застыв с широко распахнутыми глазами. А в центре лавки кривила морду расфуфыренная сучка.

– Хочешь заказать себе? Так я оплачу!

Услышав ее, мымра вздрогнула, повернула голову и...

Это была нелюбовь с первого взгляда. Валерия могла пересчитать по пальцам одной руки людей, к кому питала искреннюю неприязнь. Бывает такое – смотришь на человека и понимаешь – не сойдемся. А тут просто выворачивало от желания без лишних сантиментов расцарапать скуластое и возмутительно надменное лицо.

Валерия нарочно медленно оглядела дородную фигуру. Развитая грудь и бедра, копна светлых, почти белоснежных волос. Точно крашенная!

– Хотя-я-я, много серебра понадобится, ну да ладно. Мой муж так щедр!

На щеках девицы вспыхнул румянец. Карие глаза потемнели до полной черноты. Книксен был небрежней некуда, а последующая улыбка сочилась ядом.

– Какая честь. О да, лэрд де Нотберг очень щедр!

Ах ты, хамка гидроперитная! Вместо воздуха в легких вспыхнуло пламя, растекаясь по венам выжигающей ненавистью. Так вот кого Медведь вне благостных дней тискал! Валерия чуть не сплюнула себе под ноги – курица в кружевах! Сейчас она ей перышки-то повыдергает, а крашенный клюв в задницу засунет!

– Вспоминай его щедрость как самое светлое в своей жизни. Больше на тебя не потратят ни гроша.

Девушка оскалилась.

– Ах, уважаемая лэрди слишком самоуверенна. Мужчине решать, с кем проводить ночи.

– Разумеется. И проводить он их будет со своей юной и свежей, как дыхание весны, женой, – Валерия кокетливо поправила волосы, – а тебе пора – клиенты заждались.

Девушка зашипела не хуже змеи.

– Лэрди к тому же и заботлива. Но у меня давно лишь один любовник...

– Был. С этого момента их станет много – лэрд больше не нуждается в твоих услугах. Но тебе ли привыкать? Судя по всему – нет, – Валерия усмехнулась. – А теперь – пошла вон, – вернула курице ее же слова. Только, в отличие от Дорис, простолюдинка не смела послушаться приказа лэрди.

Гордо вздернув голову и взметнув винным подолом, девушка направилась к выходу. Хлопнула дверью так, что окна дрогнули. Мысленно пожелав языкастой гадине споткнуться, Валерия перевела дух.

– Лэрди, – Беатрис осторожно тронула ее за рукав, – примите мои искренние извинения – поведение Миранны всегда оставляло желать лучшего. А уж после того, как лэрд обратил на нее внимание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.